

УРОВЕНЬ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ ФЕМИНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по специальности
45.05.01. Перевод и переводоведение
очной формы обучения, группы 04001316
Черноусовой Анжелы Юрьевны

Научный руководитель:
д. филол. н., проф.
Куприева И.А.

Рецензент:
к. филол. н., доц. кафедры английской
филологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого
Игнатова И.В.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРИЯ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕМИНИЗМА	6
1.1. Феминизм. Истоки и причины формирования и развития.....	6
1.2. Пол и род (гендер) в английском языке.....	13
1.3. Исследование феминизма с языковой и неязыковой точки зрения.....	16
1.4. Феминистская критика языка.....	24
1.4.1. Феминистское языковое планирование.....	31
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	33
ГЛАВА II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ФЕМИНИЗМА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	35
2.1. Лексические средства актуализации.....	35
2.1.1. Стратегии нейтрализации и феминизации как средство устранения гендерной дискриминации в профессиональной номенклатуре.....	35
2.1.2. Гендерно-нейтральные формы обращения.....	40
2.1.3. Гендерная нейтрализация лексем с аффиксом/компонентом <i>man</i>	43
2.1.4. Нейтрализация гендерно-маркированной общеупотребительной лексики.....	48
2.1.5. Феминистские неологизмы как метод нейтрализации гендерной асимметрии в английском языке.....	51
2.2. Грамматические средства актуализации.....	56
2.2.1. Проблема выбора местоимений для обозначения третьего лица.....	56
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	71
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	77

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования связана с тем, что в последние десятилетия феминизм оказывает наибольшее влияние на английский язык в сравнении с другими социокультурными явлениями. Нельзя отрицать, что язык отражает тенденции развития общества и мировоззрение его носителей, а феминизм, как широко распространенное движение в современном мире вообще и в англоязычных странах в частности, представляет собой фактор, непосредственно влияющий на язык.

Стремление феминисток на языковом уровне искоренить пережитки патриархата, добиться одинаковой языковой репрезентации мужчин и женщин лежит в основе требований феминистского движения. В связи с этим пересматриваются и критикуются определенные аспекты языка. Многочисленные инициативы, предлагаемые в рамках проведения феминисткой языковой реформы, затрагивают многие сферы использования языка.

Новизна данной работы состоит в том, что в настоящее время интерес к рассматриваемой теме возрос, но в отечественной литературе существует небольшое количество работ, посвященных анализу феминизма в англоязычных странах с точки зрения лингвистики. В настоящей работе описаны и детально проанализированы самые крупные феминистские инициативы по реформированию языка.

Объектом исследования являются лексические средства объективации феномена феминизма.

Предмет исследования – способы объективации лингвистических средств актуализации феминизма.

Цель дипломной работы заключается в систематизации и анализе средств актуализации феминизма на материале английского языка.

Данная цель достигается путём решения следующих **задач**:

- 1) раскрыть понятие «феминизм»;

- 2) предоставить лингвистическое и экстралингвистическое осмысление феминизма;
- 3) проанализировать критику языка с феминистской точки зрения;
- 4) рассмотреть гендерно-маркированные и гендерно-нейтральные лексемы на примере английского языка;
- 5) изучить инициативы по устранению гендерной асимметрии на лексическом и грамматическом уровнях языка;
- б) проанализировать успешность реализации конкретных феминистских реформ языка.

Теоретическую базу исследования составили работы зарубежных исследователей, внесших значительный вклад в изучение феминизма, феминистской лингвистики и феминистского языкового планирования (С. Бовуар, Д. Кэмерон, Р. Лакофф, Дж. Коутс, Д. Таннен, С. Миллс, А. Пауэлс, Д. Спендер, Дж. Моултон, П. Эккерт и С. Макконел-Джине, К. Свифт, А. Мерсьер, Дж. Моултон, Б. Хукс и др.). Среди отечественных исследований можно выделить работы Е.И Горошко, А.В. Кирилиной, И.В. Зыковой.

Исследование феминизма потребовало обращения к междисциплинарному подходу. Мы рассмотрели лингвистический (Э. Сепир, Б. Уорф), психологический (М. Кардвэлл и К. Флэнаган, К. Гиллиган, Дж. Хьюстон, Г. Уорн и С. Гровер, С. Ратхус, В. Вуд и Э. Игли), социальный (Д. Зиммерман и К. Уэст, Э. Гидденс и С. Гриффитс) и социолингвистический (Р. Фриман и Б. Макэлхинни, М. Гудвин, Э. Окс, Н. Хенли и Ч. Крамарэ, А. Учида) аспекты исследуемого феномена.

Методы исследования: общенаучные методы (описание, сравнение, анализ, обобщение), лексикографический анализ, контекстуальный анализ.

Практическая значимость работы состоит в том, что материал, собранный в ходе исследования может быть использован при подготовке к таким дисциплинам, как история языка, лексикология, грамматика, а также может оказаться полезным для проведения исследований по следующим темам:

1. Гендерная лингвистика;
2. Феминистская критика языка;
3. Гендерная маркированность лексем в английском языке;
4. Использование гендерно-нейтральной лексики в речи.

Апробация результатов. По теме исследования имеется научная публикация:

1. «Актуализация идей феминизма в современном английском языке» в сборнике научных работ студентов, магистрантов и аспирантов «Проблемы изучения иностранного языка, истории и культуры» (по материалам научной конференции 18 апреля 2018, г. Белгород). Вып. 10. – Белгород, 2018.

Структура работы: работа включает введение, две главы, заключение, список литературы, состоящий из 80 источников.

ГЛАВА I. ТЕОРИЯ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕМИНИЗМА

1.1. Феминизм. Истоки и причины формирования и развития

В современном мире насчитывается бесчисленное множество общественных движений различной направленности: политические, религиозные, молодежные, революционные и многие другие. Однако одним из самых ярких и повсеместно распространенных является феминистское движение. Слово «феминизм» восходит корнями к латинскому слову *femina* (женщина). В свою очередь суффикс *-ism* означает систему убеждений и взглядов, какую-либо теорию, движение, концепцию или политическое течение. В 2017 году слово «феминизм» было признано американским словарем английского языка Merriam-Webster словом года, что позволяет судить об актуальности феминизма как социального движения.

Существует несколько определений феминизма, но к наиболее распространенным и емким можно отнести следующие:

1. **феминизм** – а) теория политического, экономического и социального равенства полов;
б) организованное движение в защиту прав и интересов женщин (Merriam-WebsterDictionary: <http://>).
2. **феминизм** – движение, направленное на борьбу с сексизмом, эксплуатацией и притеснением женщин (Хукс, 2000: 237).

Таким образом, лексическая семантика и этимология слова показывают, что термин «феминизм» описывает политическое, культурное и экономическое движение, направленное на установление равных прав для обоих полов и обеспечение правовой защиты женщин. Феминизм охватывает политические и социологические теории и философские убеждения, связанные с вопросами о гендерных различиях, а также движение, пропагандирующее гендерное равенство и проводящее кампании в защиту интересов и прав женщин.

Несмотря на то, что термин «феминизм» появился относительно недавно, в начале XIX века, корнями данное понятие уходит в далекое прошлое. Среди народа во все времена находились независимые феминистки. В VI веке до нашей эры древнегреческая поэтесса Сапфо, воспевающая в своих произведениях лесбийскую любовь и страсть к обоим полам, учредила школу для девочек. Королева Сербии Елена Анжуйская (ок. 1236 - 1314) настаивала на равенстве женщин и мужчин в пределах своего королевства и организовывала школы для девочек.

Кристина Пизанская, французская писательница эпохи Возрождения родом из Италии, признана приверженкой идей феминизма. Симона де Бовуар, французская писательница и идеолог феминистского движения XX века, писала о ней: «впервые женщина использует перо для защиты своего пола» (Бовуар, 1997: 105). Нидерландский философ Йохан Хейзинга (1872-1945), вдохновленный романом Кристины Пизанской «Послание богу Любви» (1399), писал о выдающейся француженке: «...она отважилась вступить в бой. Бесстрашная защитница прав женщин и их чести взывает к богу любви в своем поэтическом послании, содержащем жалобу женщин на обиды, обманы и упреки со стороны мужчин» (Хейзинга, 2016: 139).

Среди предтеч феминистской мысли XVI века можно выделить немецкого мыслителя Генриха Корнелиуса Агриппа, венецианскую писательницу и поэтессу Модесту ди Поццо ди Форзи и английскую писательницу Джейн Энгер, создавшую труд в защиту своего пола под названием «Защита женщин». В XVII веке английская романистка и политическая активистка Афра Бенн была вовлечена в восстание рабов в Вест-Индии и посвятила темам рабства, колониализма и расы 13 романов. Французская писательница Мари де Гурне, американская поэтесса Анна Брэдстрит и французский философ-картезианец и писатель Франсуа Пулен де ла Барр также являются яркими представителями феминистской идеологии XVII века.

Женщины сыграли важную роль в Великой французской революции 1789 года, именно тогда сложился идеал «Республиканского материнства». Некоторые феминистки настаивали на том, что если задачей женщины является воспитание гражданина общества, то ей также полагается иметь и статус. Феминистские памфлеты разлетались повсюду. Олимпия де Гуж писала в «Декларации прав женщины и гражданки» (1791): «Женщина рождается свободной, у нее такие же права, как и у мужчины... если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну» (Chnm.gmu: <http://>). Женщины Парижа основывали политические клубы и сообщества для проведения кампаний по затрагивающим их вопросам. Но мужчины-лидеры Революции враждебно отнеслись к подобным организациям, и в 1793 году все женские клубы были объявлены вне закона. Они постановили, что место женщины – дома. Подобная враждебность была характерна и для XIX века. Согласно Кодексу Наполеона (Гражданскому кодексу, 1804) управление всеми средствами семьи было обязанностью мужа (Захватаев, 2012). Только в 1909 году француженки добились контроля над своими собственными расходами. Право голосовать они получили в 1944 году.

Ученые феминистского направления традиционно выделяют три «волны» в истории движения в защиту женщин.

Понятие «первая волна» относится главным образом к движению за женское избирательное право и датируется примерно 1830-1920 гг. (в основном касается права женщин на голосование). «Вторая волна» берет свое начало в 1960-х и описывает идеи, связанные с освободительным движением женщин (проводились кампании в поддержку юридических и социальных прав для женщин). «Третья волна» возникла в начале 1990-х годов и представляет собой продолжение и реакцию на предполагаемые неудачи феминизма второй волны.

Феминизм первой волны относится к феминистской деятельности в XIX и начале XX века в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах. Первоначально главной целью были поощрение равных прав для обоих полов,

противостояние насильственному браку и вопрос о роли замужней женщины (и ее детей) в семье. Однако к концу XIX века деятельность феминисток была сосредоточена главным образом на получении политической власти, в частности, избирательного права. Тем не менее, такие активистки феминистского движения, как Вольтарина де Клер и Маргарет Сэнгер, участвовали в кампаниях за сексуальные, репродуктивные и экономические права. В 1854 году Флоренс Найтингейл добилась того, чтобы собранный ей отряд женщин-медсестер отправился в полевые госпитали для помощи раненым в Крымской войне.

В Великобритании суфражистки выступали за предоставление женщинам права голоса. Суфражистки приковывали себя к мужским туалетам, били стекла в мужских клубах и пабах, чтобы привлечь к себе внимание. В 1918 году был принят Акт о народном представительстве 1918г., который давал право голоса женщинам в возрасте старше 30 лет, имеющим в собственности дом. С 1928 года данный Акт распространялся на всех женщин старше 21 года.

В Соединенных Штатах лидерами этого движения были Лукреция Мотт, Люси Стоун, Элизабет Кэди Стэнтон и Сьюзен Б. Энтони, каждая из которых выступала сначала за отмену рабства, а потом за предоставление женщинам права голоса. Предполагается, что американский феминизм первой волны завершился введением 19-ой поправки к Конституции США (1919), гарантирующей женщинам право голоса во всех штатах.

Впервые избирательное право было дано женщинам в Новой Зеландии в 1893 году.

Термин «первая волна» был введен ретроспективно, уже после того, как термин «феминизм второй волны» стал использоваться для описания нового феминистского движения, которое сосредоточилось на борьбе с социальным, политическим и культурным неравенством.

«Вторая волна», начавшаяся в 1960-х годах и продолжившаяся до 1980-х годов, охватывала не только политическое и социальное равенство, но и

ставило под сомнение традиционные предположения о гендерной проблематике и сексуальности. Исследователь феминистского направления Имельда Велеан полагает, что вторая волна стала продолжением феминизма раннего периода, охватывающего движение суфражисток в Великобритании и США (Whelehan, 2014). Феминизм второй волны продолжает свое существование наряду с феминизмом третьей волны. Эстелль Фридман, исследователь феминизма, проводит сравнение феминизма первой и второй волны. Она утверждает, что первая волна ставила своей главной целью получение женского избирательного права, в то время как вторая волна в значительной степени акцентирует свою деятельность на других аспектах равенства, таких как прекращение дискриминации (Freedman, 2003).

Активистка феминистского движения и публицист Кэрол Ханиш придумала лозунг «Личное – это политическое», который стал синонимом второй волны (Carol Hanish: <http://>). Феминистки рассматривали культурное и политическое равенства женщин как неразрывно связанные и призывали женщин понимать аспекты их личной жизни как глубоко политизированные и отражающие сексистские властные структуры.

Французская писательница и философ Симона де Бовуар (1908-1986) писала монографии, посвященные философии, политике и социальным проблемам, романы, эссе, биографии, а также создала автобиографию. Сегодня она наиболее известна благодаря своим метафизическим романам «Мандарины» и «Гостья», а также благодаря труду «Второй пол», содержащему подробный анализ угнетения женщин. Фундаментальная работа о современном феминизме была написана в 1949 году и переведена на английский язык в 1953. В трактате излагаются идеи феминистского экзистенциализма, который призывает к моральной революции. Симона де Бовуар приняла основное положение философии Жана-Поля Сартра, состоящее в том, что существование предшествует сущности, из чего следует, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся». В своей работе Симона де

Бовуар оспаривает представление о том, что женщины исторически считались отклонением от нормы, и считает ошибочным положение Мэри Уолстонкрафт: «мужчина – идеал, к которому должна стремиться женщина». Де Бовуар утверждает, что для того, чтобы феминизм совершил прогресс, необходимо уйти от этого, убеждения (Бовуар, 1997: 278), (Wollstonecraft, 2009: 35).

Вторая волна феминизма также ознаменована публикацией книги американской активистки феминистского движения Бетти Фридан «Загадка женственности». В ней писательница критиковала идею о том, что женщины могут получить удовлетворение через воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Согласно некрологу Фридан, опубликованному в «Нью-Йорк Таймс», «Загадка женственности» «дала толчок современному движению женщин в 1963 году и в результате навсегда изменила социальную структуру Соединенных Штатов и стран всего мира» и «общепризнанно считается одной из самых влиятельных научно-популярных книг XX века» (Fox, 2006).

В своей книге Бетти Фридан выдвигает гипотезу о том, что женщины являются жертвами ложной системы убеждений, которая требует от них определить себя как личность и найти смысл своей жизни в рамках семьи. Данная система ведет к тому, что женщины теряют свою личность, всецело отдаваясь семье (Фридан, 1993). Послевоенный экономический бум в США поспособствовал разработке новых технологий, которые должны были облегчить ведение домашнего хозяйства. Однако зачастую это приводило к тому, что работа женщин ценилась еще меньше.

Вторую волну феминизма характеризует также фраза «Освобождение женщин», впервые использованная в 1964 году в Соединенных Штатах и появившаяся в печати в 1966 году. Несмотря на то, что термин «Фронт освобождения женщин» был впервые упомянут в журнале «Рэмпартс», его начали употреблять применительно ко всему женскому движению. С этим движением ассоциируется выбрасывание и сжигание бюстгальтеров в знак протеста эстетическим стандартам эпохи.

Одним из ярких критиков движения за освобождение женщин была афро-американская феминистка и писательница Глория Джинн Уоткинс (писала под псевдонимом «Белл Хукс»). Она утверждает, что движение не затронуло проблем расы и класса и, таким образом, не позволило решить «проблем, которые разделили женщин на разные лагеря». В своей работе «Феминистская теория: от края к центру» (1984) Уоткинс подчеркнула отсутствие меньшинств в женском движении (Хукс, 2000: 248).

Термин «Третья волна феминизма» был введен Ребеккой Уолкер, написавшей в 1992 году эссе «Начало третьей волны». Волна возникла в начале 1990-х годов и была ознаменована отказом женщин молодого поколения от идей феминизма, исповедуемых их матерям; она возникла в качестве реакции на недостатки второй волны. Феминизм третьей волны стремится оспорить и избежать свойственного феминизму второй волны так называемого эссенциалистского понимания женственности, которое (по мнению ее представителей) в особенности выделяет белых женщин среднего класса среди остальных.

Постструктуралистская интерпретация пола и сексуальности занимает центральное место в идеологии третьей волны. Феминистки третьей волны часто концентрируются на «микropolitике» и бросают вызов системе понятий второй волны относительно того, что для женщин благо, а что – зло. Они также подчеркивают, что личность имеет межсекторальный характер.

Третьей волне феминизма свойственны внутренние дебаты между разными феминистками. Например, психолог Кэрол Гиллиган считает, что между полами существуют значительные различия, в то время как многие феминистки убеждены в том, что существенных различий между полами нет, а гендерные роли обусловлены социальными (Gilligan, 2016).

В начале 1980-х годов публицисты заговорили о «постфеминистском» поколении. Термин использовался не для того, чтобы еще сильнее запутать

проблемы, с которыми сталкиваются феминистки, а для того, чтобы спровоцировать разлад между поколениями.

В качестве общей характеристики всех волн можно выделить недостаточное единство, существующее между группами приверженцев разных феминистских направлений, так как феминизм не является монолитным явлением.

1.2. Пол и род (гендер) в английском языке

Исторически термины «пол» и «род» использовались взаимозаменяемо, но с течением времени различие в их значении становилось все более отчетливым. Таким образом, в современном обществе пол и род имеют два отдельных коннотативных значения, и весьма важно их разграничивать. Рассмотрим несколько определений исследуемых терминов.

Согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), *пол* – биологические и физиологические характеристики, определяющие мужчин и женщин. Говоря простыми словами, мужчины и женщины – это категории пола (WHO: <http://>).

Например, мужчины и женщины имеют следующие различные биологические характеристики:

У женщин есть менструальный цикл, а у мужчин – нет.

У женщин развивается молочная железа, поэтому женщины могут кормить ребенка грудью, в то время как мужская молочная железа не развивается.

У мужчин более массивные кости, чем у женщин.

Обратимся теперь к термину «род». ВОЗ дает следующее его определение:

род (гендер) – социально сконструированные характеристики женщин и мужчин, такие как нормы, роли и отношения между группами мужчин и

женщин. В разных сообществах род может отличаться и меняться (WHO: <http://>).

К примерам родовых (гендерных) характеристик в разных обществах можно отнести:

В США (как и в большинстве других стран мира) заработная плата женщин за ту же самую работу, которую выполняют мужчины, составляет гораздо меньше.

Во Вьетнаме курит намного больше мужчин, чем женщин, так как курение традиционно считается для женщин неприемлемым.

В Саудовской Аравии мужчинам разрешено водить автомобили, а женщинам – нет.

Американские исследователи в области гендерной лингвистики П. Эккерт и С. Макконел-Джине в книге «Язык и род» утверждают, что пол является биологической категоризацией, основанной главным образом на репродуктивной функции, тогда как род – результат социального развития биологического пола. По их мнению, определение мужчин и женщин, осознание человеком себя и других как мужчин или женщин – это сугубо социальный компонент. Согласно их исследованиям, гендер (род) – это поведение, приобретенное в результате социализации. Таким образом, род – это не то, что было дано нам от рождения, но то, что мы конструируем сами (Eckert & McConnell-Ginet, 2013). Дженнифер Коутс, профессор английского языка и лингвистики в университете Рохемптон (Англия), дает объяснение концепции формирования рода. Она пишет, что выполнение тех или иных гендерных функций является проявлением гендерной идентичности и определяет человека как «гендерное существо» (Coates, 2011).

С момента рождения наша жизнь определяется биологической идентичностью, на которую в дальнейшем оказывает сильное влияние большое количество социальных, культурных, экологических и психологических факторов. Они не теряют своего влияния даже после того, как мы взрослеем.

Сложно дать определение таким понятиям как «женщина» и «мужчина», основываясь только на биологических характеристиках. Довольно часто наше поведение, взгляды и стремления неосознанно зависят от ожиданий культуры, к которой мы принадлежим, в отношении гендерных ролей. К тому времени, как мы достигаем подросткового возраста, наша концепция гендерной идентичности и сексуальной ориентации прочно закрепляется (Wood & Eagly, 2012).

Ученые в области медицины обнаружили, что детерминация сексуального поведения не обусловлена обществом и процессом социализации, она определяется еще в утробе матери. То, как устроен мозг девочки, а также количество мужских гормонов (тестостерона) у детей – все это влияет на разницу в сексуальном поведении. Что касается гендера, то речь идет о существующей социокультурной модели, которая описывает социально обоснованные взгляды на маскулинность и фемининность. Гендерная теория описывает разницу в деятельности мужчин и женщин, обусловленную ожиданиями и требованиями социума, модели их поведения, а также атрибуты личности, ассоциирующиеся с каждым из гендеров (Huston, Warne, & Grover, 2016).

Одним из способов формирования гендерной идентичности является игра ребенка с игрушками, рассматриваемыми как приемлемые для того или иного гендера с точки зрения гендерной теории (для девочек – куклы, для мальчиков – машинки). Ребенок в возрасте 2-3 лет начинает усваивать стереотипы гендерной роли посредством предпочтений в играх и игрушках, с которыми он играет, наряду с предпочтениями в одежде, предметах домашнего обихода и работе (Rathus, 2013). В связи с этим возникает логичный вопрос: когда же начинает осознаваться концепция гендера?

В процессе взросления ребенок по-разному воспринимает гендер, и по мере того, как он переходит от одной возрастной ступени к другой, развивается комплексное понимание гендера. Первой ступенью (возраст около 2-х лет)

является гендерная идентичность: ребенок может правильно идентифицировать свой пол. Вторая ступень (4 года) – гендерная стабильность: ребенок осознает, что гендер – это фиксированное понятие. Однако мальчик, находясь на данном возрастном этапе, может заявить, что он был бы девочкой, если бы носил платье. И только на третьей ступени (7 лет) ребенок осознает, что гендер не зависит от внешних признаков (Cardwell & Flanagan, 2014).

Таким образом, понятие «пол» относится к анатомии человека, а сексуальная ориентация определяется сочетанием гормональных и генетических факторов. В противоположность полу, гендер формируется под воздействием культурных и социальных ожиданий и линий поведения, свойственных мужчине или женщине (Giddens & Griffiths, 2006).

1.3. Исследование феминизма с языковой и неязыковой точки зрения

За все время своего существования общество переживало большие перемены, которые оказали сильное влияние на языки мира. Новые слова приходят, старые заменяются. Язык отражает общество, в котором на нем говорят, и поэтому у каждого языка есть свои особенности. Множество исследований проводилось в течение ряда лет. В 1970-х были проведены обширные социолингвистические исследования, которые главным образом были сосредоточены на синтаксических, фонологических и морфологических изменениях. Сначала гендер рассматривался как социолингвистическая переменная, подобно социальному классу, возрасту, этнической принадлежности и социальному статусу. Только в середине 70-х годов, когда было опубликовано эссе американской исследовательницы, профессора лингвистики Робин Лакофф «Язык и место женщины», была создана гендерная лингвистика (Горошко, 2001). Тем не менее, исследования гендерной проблематики и языка вначале рассматривались как исключительно феминистские исследования.

Дебора Кэмерон, профессор лингвистики и одна из исследователей феминистского направления, выделила в гендерной лингвистике три теории: теория дефицита, теория доминанты и теория дифферентного подхода. Она утверждает, что все исследования в данной области могут быть определены в одну из трех теорий. Теории представляют разные взгляды в отношении использования языка женщинами и причины возможных различий между языком, который используют женщины и мужчины. Подчиненная роль женщины в обществе находит отражение в языке. При работе с языком можно услышать высказывания «женский язык» и «мужской язык». Говорят ли женщины по-другому? Или выражения «женский язык» и «мужской язык» подразумевают что-то иное? Так как общество постоянно меняется, должен меняться и язык, исходя из того факта, что он отражает реалии общества (Coates & Cameron, 1988).

Нет никаких сомнений в том, что «разговорные стили мужчин и женщин отличаются» (O'Loughlin, 2000: 2). Исследователи пристально следят за различиями между языком, на котором изъясняются женщины, и языком, который используют мужчины. Однако неизвестными остаются причины данных различий.

Теории дефицита и доминанта

Доминантный подход описывает традиционную негативную оценку женской речи, которую его авторы считают прямым следствием политического и культурного подчинения женщин мужчинам. Таким образом, лингвистическое несоответствие языка женщин объясняется социальным неравенством между мужчинами и женщинами, где доминирование мужчин в разговоре отражает политическое и культурное господство мужчин над женщинами (Freeman & McElhinny, 1996). Р. Лакофф утверждает, что женская манера говорить, отличающаяся от мужской, является отражением их подчиненного статуса в обществе. Следовательно, женский язык характеризуется проявлением осторожности и демонстрацией бесправности,

которые выражаются путем использования смягчающих категоричность фраз (*sort of, I think*) и незначительных уточняющих лексем (*so beautiful, really happy*), что практически отстраняет женщин от властных и авторитетных позиций в разговоре (Lacoff, 2014).

В частности, Р. Лакофф признает, что языковой стиль женщин ограничен, он лишен авторитетности и уверенности. Она также замечает интересный факт: женщины оказываются в «двойной ловушке», когда их критикуют и ругают за то, что они не говорят как леди, и в то же время, такой стиль разговора систематически лишает женщин доступа к власти на том основании, что они не способны удерживать позиции из-за своего лингвистического поведения (Lacoff, 2014).

Р. Фриман и Б. Макэлхинни делят идеи Р. Лакофф о женском языке на три категории. К первой относится язык с нехваткой ресурсов, которые позволили бы женщинам проявить свою решительность и уверенность; ко второй – язык, который побуждает женщин обсуждать несущественные темы; и к третьей – язык, подразумевающий нерешительность языковой стратегии женщин. Авторы приводят полный список тезисов Р. Лакофф:

- мужчины употребляют в своей речи ненормативную лексику, в то время как женщины используют лексемы с менее выраженным коннотативным значением;
- женская речь намного вежливее, чем мужская;
- считается, что женщины должны разговаривать на несущественные, тривиальные темы;
- женщины используют «пустые» прилагательные (*lovely, sweet*);
- женщины чаще задают разделительные вопросы;
- женщины часто выражают неуверенность с помощью вопросительной интонации;
- женщинам свойственно использовать в речи слова, придающие высказыванию эмоциональную окраску;

- женщины употребляют лексемы, уменьшающие и смягчающие окраску, степень и категоричность высказываний (хеджи);
- гиперкорректные грамматические конструкции свойственны женской речи;
- женщины не рассказывают анекдоты (Freeman & McElhinny, 1996: 232).

Другие ученые провели эмпирические исследования вышеописанных особенностей с целью определения точности тезисов, выдвинутых Р. Лакофф. Результатом стало опровержение многих утверждений. Д. Зиммерман и К. Уэст поставили в центр своих исследований доминирование мужчин при взаимодействии с женщинами и добавили к имеющимся в списке особенностям явления перебивания и молчания в речи. Они утверждали, что перебивание используется для того, чтобы заставить оппонентов замолчать. Согласно их исследованиям, мужчины склонны перебивать женщин чаще, чем женщины перебивают мужчин. Изучение явления перебивания оказалось сложнее, чем предполагали Д. Зиммерман и К. Уэст, которые утверждали, что перебивание – это «прием для осуществления власти и контроля над разговором» (Зиммерман, Уэст, 2000: 197). Однако Д. Таннен подчеркивает, что «перебивание говорящим своего оппонента носит интерпретативный, а не описательный характер» (Таннен, 1996: 268).

Языковую стратегию женщин часто связывают с осторожностью, причиной которой может служить использование в речи уменьшающих категоричность высказывания лексем (хеджей). Примерами данных лексем могут служить такие фразы, как *I think, you know, I'm sure, sort of, perhaps*. Р. Лакофф убеждена, что в женской речи таких лексем намного больше, чем в мужской. Она объясняет это тем, что «женщин воспитывают таким образом, чтобы они верили, что отстаивать свои права – это проявление плохого тона, это не хорошо, это не по-женски» (Lakoff, 1975: 54). Д. Коутс выдвигает предположение о том, почему мужчины используют меньше хеджей, чем

женщины. Она видит объяснение в выборе темы разговора, подкрепляя свое мнение тем, что мужчины предпочитают говорить на общие темы (Coates, 2015). Д. Холмс провела исследование хеджей, результатом которого стал вывод о том, что они многофункциональны. Хеджи отражают уверенность/неуверенность говорящего в разговоре. Разделительные вопросы, такие как *I did – didn't I?*, *He was – wasn't he?* и др., также являются одной из лингвистических форм проявления осторожности согласно Р. Лакофф, которая утверждает, что женщины используют больше разделительных вопросов, чем мужчины (Holmes, 1990).

Как было указано ранее, теория доминанта в исследовании гендерной проблематики достаточно ограничена. Изначальная проблема теорий дефицита и доминанта заключается в том, что они практически полностью основаны на доминирующей позиции мужчины в обществе. При этом женщина изображается как «слабая, беспомощная жертва патриархата, что побуждает ее выбирать пассивную, нерациональную и неэффективную языковую стратегию» (Freeman & McElhinny 1996: 256). Доминирование рассматривается как часть той категории, в которой находятся «пассивность» и «неполноценность», что фактически позволяет изображать женщин как бесправных членов общества (Uchida, 2009). Данное положение можно считать искажением реальности, «обесценивающим объем власти, которого женщинам удалось добиться» (Jaggar, 2008: 115).

Теория дифферентного подхода

Данная теория изначально возникла в качестве реакции на теорию дефицита и доминанта Р. Лакофф. Ученые, являющиеся сторонниками данной теории, утверждают, что причина различия в языке мужчин и женщин является результатом их ранней социализации. Ключевые особенности дифферентного подхода связаны с психологическими различиями и различиями в социализации в аспекте социального авторитета.

Некоторые исследователи полагают, что врожденные биологические различия объясняют разницу в мужском и женском языках. В соответствии с этой теорией биологические различия приводят к разным темпам освоения языка и, как следствие, развитию психологических различий (Buffery & Gray, 2007). Например, женщины склонны придавать большее значение установлению связей, участию и взаимозависимости людей (Chodorow, 2012), (Gilligan, 2016). Мужчины, в свою очередь, ценят автономию и отрешенность, они ищут независимости, делая упор на иерархичных отношениях. Однако многие относят подобные отличия скорее к следствию социализации, нежели биологии.

Следующим объяснением различий в лингвистическом поведении мужчин и женщин является социальный авторитет. Согласно этой точке зрения, «наличие большей социальной власти у мужчин приводит к их доминированию во взаимоотношениях» (Зиммерман, Уэст, 2000: 211). М. Деучар предполагает, что безвластные члены общества должны вести себя более вежливо. Таким образом, в сообществах, где женщины являются таковыми, их речь содержит больше элементов языковой вежливости (Deuchar, 1988).

Сторонники дифферентного подхода утверждают, что мужской стиль общения основан на конкурентоспособности, в то время как у женщин более кооперативный стиль (Coates & Cameron, 1988). В результате проведенных исследований Дж. Коутс установила, что для женщин характерно постепенное развитие темы разговора, частые и краткие ответы, характерные больше для женского разговорного стиля. Она пришла к выводу, что параллельность и частота реакции на речь собеседника, а также лингвистические формы, смягчающие высказывания оратора, являются особенностями кооперативного стиля общения. Из этого следует, согласно Дж. Коутс, что женщины стремятся поддерживать социальные отношения, вследствие чего их стремление укрепить дружеские отношения находит отражение в речи (Coates, 2015).

Проведенный Д. Таннен анализ ряда таких речевых действий, как: помощь советом, тяга к рассказам, живая реакция на чужие проблемы, запросы и предоставление информации, комплименты и сплетни, позволил ей сделать вывод о том, что мужчины смотрят на мир как на иерархическую структуру, в которой кто-то занимает более высокие позиции, а кто-то более низкие, а женщины представляют мир как паутину связей (Таннен, 1996).

Согласно дифферентной парадигме, различия появляются в детстве, когда мальчики и девочки играют, как правило, в группах, разделенных по признаку пола. Девочки чаще всего играют в небольших группах, в то время как мальчики в большинстве случаев играют в больших, более иерархически организованных группах. В связи с этим сторонники данной теории утверждают, что гендерные различия создаются по аналогии с территориальными и социальными различиями в употреблении языка посредством физического и социального разделения (Freeman & McElhinny, 1996).

У дифферентного подхода, также как и у теорий дефицита и доминанта, есть свои недостатки. В частности, она игнорирует взаимосвязь расы, класса, возраста и сексуальной ориентации с биологическим полом (Henley & Kramarae, 2010). В своей научной статье Аки Учида пишет: «женщины и мужчины являются членами многих взаимосвязанных социальных групп, не считая тех, что объединяют членов одного и того же пола. А во взаимоотношениях с другими людьми «личность» больше, чем просто «женщина» (Uchida, 2009).

П. Эккерт и С. Макконел-Джине, а также Н. Хенли и Х. Крамарэ подчеркивают, что недостатком теории дифферентного подхода является упущение из внимания доминирования как важного фактора в понимании женского и мужского стилей взаимоотношений. Например, теория объясняет различие в общении между мужчинами и женщинами межкультурным недопониманием, а не тем, что мужчины имеют более властную позицию,

нежели женщины. Таким образом, получается, что негативные последствия коммуникации связаны с межкультурными различиями (Eckert & McConnell-Ginet, 1992), (Henley & Kramarae, 2010).

В своей книге «Язык и гендер» П. Эккерт и С. Макконел-Джине обнаруживают новые недостатки дифферентной парадигмы и теории доминанта. Во-первых, они придерживаются радикальных позиций: в теории доминанта большой акцент делается на власти и доминировании мужчин, а в дифферентном подходе – на гендерном разделении и различии. Во-вторых, принятие одного подхода может привести к упущению важных деталей, что, в свою очередь, исказит общую картину. И в-третьих, акцент на доминировании позволяет упускать из внимания важность различий в опыте и убеждениях (Eckert & McConnell-Ginet, 2013).

Теория социального конструирования гендера

Ввиду недостатков парадигм доминанта и дифферентности возникла необходимость в переосмыслении теорий языка и гендера. Постепенно изучение языка продвинулось к пониманию гендера как определяющего фактора в построении социальной идентичности. Р. Фриман и Б. Макэлхинни рассматривают «язык как средство понимания социального мира» (Freeman & McElhinny, 1996: 219). Элино́р Охс утверждает, что, поскольку язык используется в диалоге, социальная идентичность создается в большей степени в процессе взаимодействия и обмена мнениями (Ochs, 1993).

Основным принципом теории социального конструирования гендера является положение о том, что гендер – это социальная конструкция, перформативная по своей природе. Эту идею теоретизировали М. Гудвин, Р. Фриман и Б. Макэлхинни. М. Гудвин провела этнографическое исследование языка и гендера в пределах одного сообщества и пришла к выводу, что в центре анализа должны находиться не отдельные структуры, такие как культура, гендер, группы или отдельные лица, а деятельность, в ходе которой индивид

научается гендеру (Goodwin, 2011). Таким образом, приобретение опыта носит деятельностный характер.

Принимая во внимание данный факт, разрешить спор о том, следует ли изучать язык как отдельную структуру, можно, согласно Р. Фриману и Б. Макэлхинни, путем введения понятия деятельности, что позволит понимать язык как образующий реальность элемент, отражающий изменения и развитие (Freeman & McElhinny, 1996). В настоящее время необходимо, чтобы исследования были направлены не на выявление различий между мужчинами и женщинами, а на случаи, в которых проявляются как различия, так и сходства в речи женщин и мужчин. Это продвинуло бы исследования в области использования языка и позволило понять, каким образом и в какой момент язык служит средством формирования гендерных различий.

Поскольку гендер не является фиксированной категорией, мужчины и женщины ведут переговоры о континууме маскулинных и фемининных качеств, определяющемся лингвистической маркировкой и ролью, которую они играют в конкретной деятельности.

1.4. Феминистская критика языка

Феминистская критика языка (феминистская лингвистика) – особое направление в языкознании, цель которого заключается в разоблачении и преодолении андроцентрического характера языка в культурной и общественной жизни.

Данное направление появилось в конце 1960-х – начале 1970-х годов в связи с зарождением второй волны феминизма.

Работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» стала первым трудом по феминистской лингвистике. Она обосновала наличие в языке гендерной асимметрии и ущербное положение женщины в картине мира, воспроизводимой в языке.

Выделяется два течения в феминистской критике языка.

Первое исследует дискриминируемую позицию образа женщины в языковой картине мира или асимметрии в структуре языка, направленные против женщин.

Второе направление изучает особенности коммуникации в однополых и смешанных группах. В его основе лежит предположение о том, что на базе патриархатных стереотипов, отраженных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. Особое внимание уделяется выражению в речевых актах отношений власти и подчинения (более подробно описанных в пункте 1.3) и связанным с ними коммуникативным неудачам (Кирилина, 1999).

Для того чтобы понять суть феминистской лингвистики, необходимо более основательно рассмотреть положения и претензии к языку со стороны феминисток в аспекте первого направления критики языка.

Наряду с Р. Лакофф некоторые феминистки, например, Дж. Пенелоп и Д. Спендер, также утверждают, что английский язык носит андроцентрический характер. Это означает, что английский язык можно назвать «мужским» ввиду того, что в нем превалирует «мужская» лексика, отражающая патриархатность языка, способствующая подчеркиванию подчиненной роли женщин или вовсе делающая их невидимыми, а также закрепляющая маскулинность как норму (Penelope, 2012). Один из доводов в пользу данного утверждения был сформулирован в результате изучения большого количества специфической лексики и выявления мужской предвзятости. Его суть состоит в следующем: мужская предвзятость в английском языке явление настолько широко распространенное, что искать проблему в группах слов, а не в языке в целом, было бы ошибкой. К числу претензий в соответствии с настоящим доводом (в дополнение к тем, что были указаны выше) относятся:

- 1) наличие в языке большего количества маскулинной лексики, чем фемининной. Данной лексике присуща положительная коннотация (Stanley, 1977);
- 2) «фемининная лексика предполагает отрицательную коннотацию, даже если несет то же значение, что и маскулинная» (Spender, 1990: 17), например, в случае со словами *spinster* и *bachelor*;
- 3) фемининная лексика зачастую сексуализируется, и данное явление остается актуальным даже для нейтральных слов, употребляемых в отношении женщин.

В качестве иллюстрации к последнему пункту мы приведем сравнение, проведенное феминисткой Д. Спендер. Она сравнила фразы *he's a professional* и *she's a professional*, в результате чего пришла к выводу о том, что последняя наиболее вероятно интерпретируется большинством отлично от первой. А именно, что женщина, о которой идет речь, является представительницей древнейшей профессии (Spender, 1990). Сексуализация слов, используемых по отношению к женщинам, вызывает недовольство среди многих феминисток, считающих сексуальную объективацию корнем неравенства между женщинами и мужчинами.

Подобное кодирование мужской предвзятости в языке, по мнению таких теоретиков, как Д. Спендер, сложилось исторически. Мужчины (хотя и не все, как она отмечает) обладали и обладают гораздо большей властью в обществе, в том числе включая возможность распространения и закрепления посредством языка своего мировоззрения. Что, в свою очередь, согласно Д. Спендер, только способствовало усилению их власти.

В языке присутствует сексизм, и он укрепляет позицию мужчин, а мужчины контролируют развитие культурных форм. Д. Спендер утверждает, что данные предположения представляют косвенные доказательства того, что «мужчины кодировали сексизм в язык, чтобы укрепить свое превосходство» (Spender, 1990: 144). Однако она настаивает на том, что подобное утверждение

является более чем косвенным, и для аргументации своей позиции она обращается к работам прескриптивных грамматистов. В качестве примера Д. Спендер приводит выдвинутое ими предложение использовать местоимение *he* как гендерно-нейтральное местоимение третьего лица.

По мнению таких теоретиков, как Д. Спендер, способность мужчин контролировать язык дает им большую власть. Многие писатели обращали свое внимание на маскулинность языка, проявляющуюся в использовании предпологаемо гендерно-нейтральных местоимений и лексем с аффиксом/компонентом *man* (Mercier, 1995), (Moulton, 2013). Подобная маскулинность языка ведет к тому, что женщины становятся незаметными, невидимыми, и им становится сложнее самовыражаться, труднее передать реалии своей жизни.

В отдельных случаях в языках отсутствуют слова, обозначающие явления, которые имеют большое значение для женщин. Такого рода лакуны могут рассматриваться также как влияние кодированного в язык мужской картины мира (Cameron, 2006).

Миранда Фрикер называет лакуны подобного типа одной из форм герменевтической несправедливости. Согласно М. Фрикер, люди, находящиеся в маргинальной позиции, лишены возможности создания понятий, терминов и прочих репрезентативных ресурсов для того, чтобы концептуализировать и понять собственный опыт. Люди, занимающие властную позицию, создают понятия и лингвистические репрезентации концептов для концептуализации опыта и явлений, имеющих существенное значение для них, а не для тех, кто находится в маргинальной позиции. В связи с этим члены маргинализованных групп могут столкнуться с таким феноменом, как лакуна. М. Фрикер иллюстрирует его на примере феминистского нововведения – термина *sexual harassment*: до введения этого термина жертвы сексуальных домогательств не могли с помощью языка передать реалию, которая заключается в нежелательных сексуальных жестах со стороны коллег-мужчин на работе. Язык не позволял им в достаточной мере точно определить настоящее явление для

того, чтобы объяснить, почему подобное обращение являлось для них оскорбительным (Fricker, 2009). Однако после того как женщины в ходе обсуждений обнаружили, что проблема носит не единичный характер, а распространена повсеместно, и проявления подобного поведения сходны между собой, был введен термин *sexual harassment*. Как только у проблемы появилось название, с самим явлением стало легче бороться, как на основании закона, так и путем просвещения людей (Farley, 2016).

В своей книге «Эпистемическая несправедливость» М. Фрикер относит явление герменевтической несправедливости к вопросам этики и эпистемологии (Fricker, 2009).

Если учесть вышеописанные примеры, демонстрирующие маскулинность языка, и не ограничивать масштаб проблемы конкретными терминами и словами, а, напротив, признать его наличие в языке в целом, то естественным будет предположить, что голоса женщин в значительной мере заглушаются. Женщины не могут точно сформулировать ключевые элементы своей жизни и передавать важные направления своих мыслей. Д. Спендер, как и некоторые другие исследователи феминистского направления, предполагает, что маскулинность языка ограничивает мышление, навязывая мужскую картину мира и делая невозможным альтернативное видение реальности или, по крайней мере, крайне трудным его выражение. Данные аргументы часто опираются на так называемую гипотезу Сепира-Уорфа, или гипотезу лингвистической относительности, которая постулирует, что структура языка в большой степени влияет на мировоззрение, если даже не определяет его (Sapir, 1929), (Whorf, 2016).

Так, Д. Спендер утверждала, что «мужчины, как доминирующая группа, создали язык, мышление и реальность» (Spender, 1990: 117). Некоторые феминистки отказались разделить пессимизм Д. Спендер и поставили под сомнение ее утверждение о том, что язык – это мощный инструмент патриархата. Однако видение языка как средства увековечивания подчиненной

роли женщин было распространено в 1980-х годах, даже если оно основывалось на менее радикальных взглядах в сравнении с точкой зрения Д. Спендер. Одна из освещаемых проблем заключалась в том, что язык, способствующий угнетению женщин, является характерным признаком существующих в обществе патриархатных отношений.

В связи с тем, что в патриархатном обществе женщины, как правило, подвергаются дискриминации, в языке присутствует такой феномен, как сексизм. Сексизм в английском языке очень ярко иллюстрируют пословицы.

- 1) A man of straw is worth of a woman of gold.
- 2) If the husband be not at home, there is nobody.
- 3) Man, woman and devil are three degrees of comparison.

В приведенных выше пословицах отражается мужской шовинизм, сформировавшийся в исторических и религиозных условиях. Патрилинейность общества и продиктованная Библией доминирующая позиция мужчины привели к созданию порядков, согласно которым женщина занимает подчиненное и незаметное положение во всех областях социальной жизни.

Под вопросом всегда находились мудрость и сила характера женщины. В западных странах высшее образование зачастую могли получить только мужчины. Как следствие того, что женщины не могли получить должное образование, в большинстве случаев известными учеными и великими людьми становились мужчины. Поэтому вклад женщин в развитие общества игнорировался. Кроме того, в западной культуре с женщинами всегда ассоциировались такие понятия, как слабость и чрезмерная сентиментальность. В английском языке можно встретить пословицы, отражающие невежество женщин и подвергающие иронии вышеописанные черты женского характера:

- 1) A woman's advice is never to seek.
- 2) A woman and glass are ever in danger.
- 3) Women are wavering as the wind.

Эти пословицы несут на себе отпечаток сексизма со стороны мужчин в отношении женщин в плане мудрости и характера.

Поскольку язык – это зеркало общества, в котором он функционирует, можно утверждать, что присущие английскому языку андроцентричность и сексистский характер являются отражением укоренившихся в мышлении социума патриархатных устоев, постулирующих маскулинность как норму.

В целом предлагаемое решение заключается не в попытке создать новый, нейтральный язык, способный передать реальность объективно, а в создании новой реальности, более благоприятной для женщин.

Некоторые феминистки утверждали, что единственный способ добиться этого – создать собственный язык либо путем придания словам, находящимся в употреблении, новых значений, либо посредством изобретения совершенно нового языка с новыми словами и новыми правилами. Примером претворения в жизнь последнего предложения служит феминистский язык лаадан, созданный писательницей-фантастом и лингвистом Сьюзет Хейден Элджин для своей серии романов «Родной язык» «с конкретной целью, состоящей в выражении женского мышления» (Elgin, 1988: 5). Лаадан, также как и прочие искусственные языки, не стал международным, однако, важен тот факт, что идея феминистского языка появилась в публичном пространстве и получила широкое распространение.

Тем не менее, данные предложения не представляют собой выход из ситуации, сложившейся в языке и социуме. Для того чтобы искоренить сексизм в языке, необходимо сначала трансформировать мышление общества, внести изменения в законодательство и устранить тем самым сексизм в социуме. Только на основе социальных реформ можно будет проводить языковые реформы. В свою очередь создание и внедрение гендерно-нейтрального языка путем проведения феминистских реформ языка кажется единственно верным решением, в отличие от изобретения искусственных языков. В настоящее время феминистками предлагаются различные реформаторские инициативы,

нацеленные на устранение гендерной асимметрии в языке. Вкупе с социальными преобразованиями они способствуют изменению патриархатного характера как языка, так и общества.

Таким образом, феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, принимая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

1.4.1. Феминистское языковое планирование

Феминистской языковой реформой (планированием) принято называть попытки, предпринимаемые, в большинстве случаев, сторонниками политических и общественных движений и направленные на изменение практики использования языка в отношении к людям с разной гендерной идентичностью, а также их деятельности и идеям, как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества. Данная инициатива была принята в таких странах, как Швеция, Швейцария и Австралия, где призвана способствовать укреплению гендерного равенства, однако, результаты на данный момент все еще неоднозначны.

Феминистское языковое планирование в значительной степени базируется на социолингвистическом подходе, задача которого состоит в проведении социальных изменений (в частности, достижение равенства между мужчинами и женщинами) путем реформирования и использования языка. Данный подход применительно к языковому планированию делится на четыре этапа:

- 1) установление фактов. На этом этапе выявляются вопросы языка;
- 2) планирование. Предлагаются пути решения проблемы;
- 3) реализация. Согласуются и проверяются на практике методы, а затем реализуется окончательный вариант решения;

4) оценка и ответная реакция. Результаты проведения реформаторской инициативы оцениваются с точки зрения их эффективности и принятия обществом (Liddicoat, 2011).

Несмотря на то, что главным фокусом феминистской реформы языка является языковая репрезентация женщин, в рамках феминистского планирования большое внимание также уделяется тому, как язык позиционирует мужчин и женщин и каким образом в нем представлены люди с разной гендерной идентичностью, их идеи и деятельность.

В некоторых языках, в особенности в английском, феминистское языковое планирование представляет собой основное направление языкового планирования, влияющее на форму языка в последние десятилетия.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

1) Мы определили «феминизм» как политическое, культурное и экономическое движение, направленное на установление равных прав для обоих полов, обеспечение правовой защиты женщин и борьбу с сексизмом, эксплуатацией и притеснением женщин. Подробное исследование истории феминистского движения позволило нам понять, что феминизм – явление не монолитное, однако, несмотря на разные точки зрения активисток феминистского движения, цель всегда остается общей – устранение дискриминации со стороны мужчин в отношении женщин и изменение культурных и социальных порядков, укрепляющих патриархатные системы ценностей.

2) Мы разграничили понятия «пол» и «гендер». Исходя из положений современного гендерного дискурса, под понятием «пол» подразумевается биологическая категория. Это значит, что в дифференциации пола главную роль играют гормоны. В противоположность «полу», «гендер» определяется как культурная, социальная и психологическая ориентация женского или мужского поведения. Гендер формируется посредством социализации.

3) На основе рассмотрения теоретического материала по гендерной лингвистике мы установили, что стратегии лингвистического поведения мужчин и женщин отличаются ввиду различных факторов, включая биологические, социальные, культурные, исторические и др.

4) Проведя анализ литературы по феминистской критике языка, мы пришли к следующим выводам:

– английский язык, являясь отражением патриархатного строя говорящего на нем общества, носит андроцентрический характер, что подразумевает наличие в языке такого феномена, как сексизм;

– принимая во внимание положение о том, что язык фиксирует мужское видение мира, навязывая мужские ценности и оценки, можно

заклучить, что маскулинность (проявляющаяся в превосходящем количестве «мужской» лексики) языка отражает подчиненную позицию женщины в обществе, если вовсе не делает ее невидимой.

Феминистки выразили желание изменить сексистскую природу патриархатного языка путем проведения языковой реформы. Социальная цель реформы состоит в претворении стремления создать положение равенства между полами (и гендерами), в то время как ее целью с языковой точки зрения является укрепление и отражение настоящего равенства в языке.

ГЛАВА II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ФЕМИНИЗМА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Лексические средства актуализации

2.1.1. Стратегии нейтрализации и феминизации как средство устранения гендерной дискриминации в профессиональной номенклатуре

Феминистки ряда западных стран выражают негодование относительно признаков гендерной дискриминации, присутствующих в профессиональной терминологии и в существительных, обозначающих род деятельности. Активистки феминистского движения подчеркивают тот факт, что профессиональная и специализированная номенклатура отражает предвзятое отношение к женщинам, которое, в свою очередь, ведет к незаметности женщин в данной сфере использования языка. В действительности вопрос о гендерной дискриминации в профессиональной номенклатуре напрямую связан с дискриминацией по признаку пола в сфере занятости. Сторонники использования несексистского языка применяют стратегии гендерной нейтрализации и гендерной спецификации (феминизации) для достижения своей цели, состоящей в создании языковой системы, обеспечивающей сбалансированное представительство полов.

Гендерная спецификация (феминизация) – стратегия, применяемая для достижения языкового равенства путем придания «незаметному полу» (в большинстве случаев это женщины) видимой позиции в языке благодаря систематическому и симметрическому маркированию гендера. Несмотря на то, что в английском языке данная стратегия не имеет широкого применения (она чаще встречается в тех языках, в которых присутствует грамматический род), использование местоимений *he* и *she*, а также таких фраз, как *police women and*

men, actors and actresses в общих контекстах иллюстрирует применение стратегии гендерной спецификации.

Стратегия гендерной нейтрализации считается наиболее употребительной. Она включает в себя минимизацию или устранение гендерно-специфических фраз и конструкций. Данная стратегия подразумевает «гендерную нейтрализацию любых морфосинтаксических и лексических признаков, маркирующих существительные и местоимения (или другие части речи) как маскулинные или фемининные» (Pauwels, 2015). К примерам нейтрализации в английском языке относятся:

1) устранение гендерных суффиксов *-ess*, *-ette*, *-(tr) ix*, *-enne* и пр. Примеры приведены в табл. 2.1.:

Таблица 2.1. Нейтрализация гендерно-маркированных суффиксов

Исходный вариант	Гендерно-нейтральный вариант
<i>Actress</i>	<i>Actor</i>
<i>Aviatrix</i>	<i>Aviator</i>
<i>Comedienne</i>	<i>Comedian, entertainer</i>
<i>Conductress</i>	<i>Conductor</i>
<i>Drum majorette</i>	<i>Drum major</i>
<i>Governess</i>	<i>Child caretaker, child care worker</i>
<i>Hostess</i>	<i>Host</i>
<i>Manageress</i>	<i>Manager</i>
<i>Masseuse</i>	<i>Massage therapist</i>
<i>Poetess</i>	<i>Poet</i>
<i>Postmistress</i>	<i>Postal worker</i>
<i>Priestess</i>	<i>Priest</i>
<i>Sculptress</i>	<i>Sculptor</i>
<i>Seamstress</i>	<i>Tailor, sewer, mender, needleworker</i>
<i>Songstress</i>	<i>Singer</i>
<i>Starlet</i>	<i>Star young actor</i>

<i>Stewardess</i>	<i>Flight attendant</i>
<i>Usherette</i>	<i>Usher</i>
<i>Waitress</i>	<i>Server</i>

2) выведение из употребления профессионализмов, образованных путем основоположения и включающих в себя аффиксы *man* или *woman*, *boy* или *girl*. В табл. 2.2. проиллюстрированы примеры:

Таблица 2.2. Нейтрализация гендерно-маркированных существительных

Исходный вариант	Гендерно-нейтральный вариант
<i>Airman, airwoman</i>	<i>Pilot, aviator, flier, flight crew</i>
<i>Alderman</i>	<i>Council member/person</i>
<i>Anchorman, anchorwoman</i>	<i>Anchor</i>
<i>Assemblyman</i>	<i>Assemblyperson</i>
<i>Barman</i>	<i>Bartender</i>
<i>Bondsman</i>	<i>Bondsperson, guarantor, insurer</i>
<i>Brakeman (bobsled)</i>	<i>Brake operator</i>
<i>Brakeman (train)</i>	<i>Conductor's assistant</i>
<i>Businessman, businesswoman</i>	<i>Businessperson</i>
<i>Cameraman, camerawoman</i>	<i>Camera operator</i>
<i>Career woman</i>	<i>Career professional</i>
<i>Chairman, chairwoman</i>	<i>Chair person, chair</i>
<i>Congressman</i>	<i>Member of Congress, congress person, legislator</i>
<i>Councilman</i>	<i>Council member</i>
<i>Cowboy, cowgirl</i>	<i>Cowhand</i>
<i>Craftsman</i>	<i>Artisan, craftsperson</i>
<i>Crewman</i>	<i>Crew member</i>
<i>Dairyman</i>	<i>Dairy farmer</i>
<i>Deliveryman</i>	<i>Deliverer, delivery clerk, courier</i>

<i>Doorman</i>	<i>Doorkeeper, door attendant</i>
<i>Fireman</i>	<i>Firefighter</i>
<i>Flagman</i>	<i>Flagger</i>
<i>Flyboy</i>	<i>Pilot, aviator</i>
<i>Foreman, forewoman</i>	<i>Supervisor, boss</i>
<i>Funnyman</i>	<i>Comedian</i>
<i>Gateman</i>	<i>Gate keeper, gate attendant</i>
<i>Guardsmen</i>	<i>Guard, soldier</i>
<i>Handyman</i>	<i>Fixer, maintenance person</i>
<i>Headman</i>	<i>Boss, chief, president, leader</i>
<i>Helmsman</i>	<i>Coxswain</i>
<i>Horseman, horsewoman</i>	<i>Rider, equestrian</i>
<i>Infantryman</i>	<i>Infantry soldier</i>
<i>Jazzman</i>	<i>Jazz player, jazz musician</i>
<i>Journeyman</i>	<i>Experienced tradesperson</i>
<i>Juryman</i>	<i>Juror, jury person</i>
<i>Lineman</i>	<i>Line technician, football player</i>
<i>Mailman</i>	<i>Letter carrier, mail carrier</i>
<i>Marksman</i>	<i>Sharpshooter</i>
<i>Midshipman</i>	<i>Sailor, cadet</i>
<i>Newsboy</i>	<i>Paper carrier, news deliverer</i>
<i>Newsman</i>	<i>Reporter, newscaster</i>
<i>Newspaperman</i>	<i>Reporter, journalist, editor, writer</i>
<i>Oarsman</i>	<i>Rower, crew member</i>
<i>Oilman</i>	<i>Oil executive, oil field worker</i>
<i>Paperboy</i>	<i>Paper carrier</i>
<i>Pitchman</i>	<i>Promoter</i>
<i>Policeman</i>	<i>Police officer</i>
<i>Pressman</i>	<i>Press operator</i>

<i>Radioman</i>	<i>Radio broadcaster</i>
<i>Repairman</i>	<i>Repairer, maintenance specialist</i>
<i>Salesman</i>	<i>Sales person, sales associate/agent</i>
<i>Seaman</i>	<i>Sailor, mariner, sea farer</i>
<i>Serviceman</i>	<i>Repair person, ,maintenance person</i>
<i>Serviceman</i>	<i>Sailor, soldier, airman</i>
<i>Showman</i>	<i>Actor, performer, entertainer</i>
<i>Spaceman</i>	<i>Astronaut</i>
<i>Spokesman, spokeswoman</i>	<i>Spokesperson</i>
<i>Statesman</i>	<i>Leader, senior politician, diplomat</i>
<i>Switchman</i>	<i>Switch operator</i>
<i>Tradesman</i>	<i>Tradesperson</i>
<i>Watchman</i>	<i>Security guard, lookout guard</i>
<i>Weatherman</i>	<i>Weathercaster, meteorologist</i>
<i>Workman</i>	<i>Worker</i>

3) избежание использования *he* (более подробно см. пункт 2.2).

Однако на выбор основной стратегии влияют, среди прочего, экстралингвистические, или социальные, аргументы. Гендерная нейтрализация направлена на «выведение гендера из сферы профессиональной деятельности» (Pauwels, 2015: 29). Другими словами, цель состоит в создании общества, в котором биологический пол человека не будет иметь значения для его профессионального статуса. Сторонники стратегии феминизации, с другой стороны, утверждают, что с социальной точки зрения более эффективным будет достижение лингвистического равенства путем репрезентации женщин в языке. Это позволит показать, что число женщин во всех сферах оплачиваемой профессиональной деятельности растет, то есть высокий уровень участия женщин в трудовой деятельности должен стать более заметным благодаря применению стратегии гендерной спецификации (феминизации).

А. Пауэлс утверждает, что предложенные в рамках проведения данной реформаторской инициативы изменения оказались эффективными. Согласно представленному ей обзору исследования эффективности настоящей феминистской кампании, произошло резкое сокращение использования маскулинных существительных. Значительно увеличилось употребление несексистских альтернатив гендерно-специфическим словам. А. Пауэлс подчеркивает, что в рекламных объявлениях о найме в подавляющем большинстве случаев гендерно-маркированные слова заменялись гендерно-нейтральными эквивалентами (Pauwels, 2009).

С другой стороны, следует отметить неоднозначность результатов реализации инициативы в данной сфере использования языка. В качестве примера мы рассмотрели особенности употребления слова *chairperson*, которое призвано служить гендерно-нейтральным эквивалентом *chairman*, *chairwoman*. На самом деле, оно зачастую используется по отношению к женщинам, занимающим председательский пост, в то время как применительно к мужчинам употребляют слово *chairman*.

Из этого следует, что требуются время и целенаправленные усилия для того, чтобы гендерно-нейтральная лексика закрепилась в языке, а идея о ее использовании укоренилась в общественном сознании.

2.1.2. Гендерно-нейтральные формы обращения

Гендерно-нейтральное обращение – это почтительное обращение, не содержащее указания на гендер лица, к которому официально обращаются, например, в таких видах коммуникации, как письмо и др., или при представлении людей друг другу. Для сравнения: традиционные формы обращения *Miss*, *Mrs*, *Ms* и *Mr* имеют гендерно-специфический характер, они указывают на пол индивидуума, а также его семейное положение (кроме *Ms*, которое является женским эквивалентом *Mr* без указания на семейное

положение и достаточно прочно закрепились в повседневном общении, несмотря на тот факт, что оно находится в употреблении немногим больше века).

Однако ввиду того, что реалии личностного самоопределения усложнились, возникла потребность в создании новой формы обращения, не идентифицирующей пол человека.

Таким образом, в середине 1970-х г. была введена в употребление форма *Mx*, позволяющая избежать спецификации гендера не только в отношении женщин и мужчин, но и тех, кто не вписывается в бинарную гендерную систему (Titman, 2014). Данная форма обращения используется в тех случаях, когда неуместно обращаться к кому-то только по имени или фамилии, например, при указании адресата в письме «*Dear Mx Jones*» или представлении собеседников друг другу.

X – это подстановочный символ, он не подразумевает «*mixed gender*». Для устранения гендерной специфичности обращений, в традиционных формах *Mr* и *Ms* *-r* и *-s* меняются на *-x*.

Mx произносится как [mɪx] или [mɛx], при этом во втором варианте произношения звучит нейтральный гласный звук, подобный вариантам в произношении *Ms* (Henry, 2015).

На настоящий момент форму *Mx* приняли различные местные советы, университеты, банки, ассоциации юристов, Королевская почта и такие государственные ведомства, как Национальная служба здравоохранения Великобритании и Управление (Ее величества) по налогам и таможенным пошлинам. Совершенно очевидно, что ее использование становится все более популярным (Goldhill, 2015).

В августе 2015 года онлайн-ресурс OxfordDictionaries.com, разработанный издателями Оксфордского словаря английского языка, создал словарную статью о гендерно-нейтральной форме обращения *Mx*:

- обращение, которое употребляют перед фамилией или полным именем человека те, кто желает избежать спецификации гендера, или те, кто не идентифицирует себя как мужчина или женщина (OxfordDictionaries: <http://>).

Проведенный в 2016 году международный онлайн-опрос среди небинарных людей, показал, что 34% (самый большой процент) из 2 686 опрошиваемых предпочли, чтобы к ним обращались, используя форму *Mx* (GenderCensus: <http://>).

Еще одной из введенных в употребление гендерно-нейтральных альтернатив общеупотребительным формам обращения *Miss*, *Mrs*, *Ms* и *Mr* является форма *Misc* [*misk*]. Она происходит от латинского слова «*miscellaneous*», которое означает «смешанный». Это обращение предпочитают небинарные люди, у которых в разные моменты времени проявляются черты разных гендеров.

По результатам упомянутого ранее опроса около 2,5% участников предпочли форму обращения *Misc* (GenderCensus: <http://>).

Недавно была предложена к использованию новая форма обращения *Ind.* (*Individual*). Ее считают более подходящей те люди, которые полагают, что *Mx* не соответствует их гендерно-нейтральным нормам, так как иногда *Mx* понимается как «*mix*». *Ind.* была создана для того, чтобы полностью лишить форму обращения гендерной спецификации.

Согласно опросу 2016 года около 2,5% опрошенных предпочли форму обращения *Ind.* (GenderCensus: <http://>).

Наименее распространенная форма – *M* (*M Brown*, *M. Brown*). Произносится как [*ɛm*]. Она образована путем опущения букв *-r* и *-s* в обращениях *Mr* и *Ms*. Потенциальной проблемой использования данной формы является вероятность путаницы, связанной с наличием во французском языке обращения *M.*, которое представляет собой краткую форму слова *Monsieur*.

Monsieur – слово мужского рода, т.е. не гендерно-нейтральное. Также эту форму обращения можно принять за начальную букву имени.

Гендерно-нейтральные формы обращения еще только набирают популярность, пока рано говорить об их всеобщности. В настоящее время самой закрепившейся в использовании формой среди широкой общественности является форма *Mx*. Активисты и сторонники реализации данной феминистской инициативы по реформированию языка работают над распространением и принятием альтернативных форм обращения, включая *Mx*.

К общепринятым гендерно-нейтральным формам обращения в сфере профессиональной деятельности относятся такие формы, как *Professor*, *Dr* (*Doctor*) и *Rev* (*Reverend*).

2.1.3. Гендерная нейтрализация лексем с аффиксом/компонентом *man*

Одним из немаловажных вопросов, волнующих феминисток и сторонников гендерно-нейтрального языка, является предположительно гендерно-нейтральное значение слова *man*. Для того чтобы обосновать претензию к нейтральности этого слова со стороны феминисток, необходимо изучить его этимологию.

Изначально *man* употреблялось по отношению как к мужчинам, так и к женщинам. В древнеанглийском языке для обращения к мужчинам существовало слово *wer*, для обращения к женщинам – *wif*. Со временем *wer* вышло из употребления, и слово *man* стали использовать в отношении обоих полов, а иногда и только в отношении мужчин. К 18-му веку *man* практически окончательно потеряло свою универсальность и употреблялось для обращения к мужчинам. Писатели, которые хотели использовать слово в его старом значении, считали необходимым разъяснить свое намерение.

Энтони Троллоп, английский романист Викторианской эпохи, пишет о том, что Эдмунд Берк, описывая Французскую революцию, использовал слово

men, вкладывая в него присущий древнеанглийскому слову смысл. Э. Троллоп отмечает, что автору пришлось делать уточнение для того, чтобы читатель правильно понял его мысль:

«*Such a deplorable havoc is made in the minds of men (both sexes) in France...*» (Swift, 2011).

Как мы видим, долгое время слово *man* являлось общеродовым существительным.

На сегодняшний день принято утверждать, что *man* имеет как гендерно-специфическое значение, например, в предложении 1, так и гендерно-нейтральное, предложение 2:

1. *A man went into a bar.*
2. *Man is a primate.*

Однако феминистки подчеркивают, что даже якобы гендерно-нейтральные значения этих слов на самом деле не являются таковыми. Существуют примеры, которые не оставляют сомнений в том, что данные слова могут потерять значение, изначально подразумеваемое как гендерно-нейтральное. В результате предложения кажутся грамматически неверными:

3. *Man has two sexes; some men are female.*
4. *Man breastfeeds his young.*

Поэтому утверждение о том, что значение слова *man* гендерно-нейтрально, является ошибочным. А. Мерсьер предлагает характеризовать значение слова *man* как гендерно-нейтральное, когда речь идет о: а) человеке или людях, чей пол неизвестен; б) группе мужчин или группах, в которых присутствуют представители обоих полов (Mercier, 1995). Это объясняет, почему употребление слов *men* в 3-ом и *man* в 4-ом предложениях отклоняется от нормы: эти слова в настоящем контексте используются применительно к женщинам.

Таким образом, мы доказали, что подразумеваемое гендерно-нейтральное значение данного слова не является по сути нейтральным с гендерной точки

зрения. Но это не значит, что допущена ошибка при традиционной классификации *man* как гендерно-нейтрального слова в предложении 2.

Но даже несмотря на то, что в некоторых контекстах *man* может выступать как общеродовое существительное, феминистки стремятся к устранению гендерной маркированности всех лексем, в состав которых входит *man*.

По этой причине сторонники использования гендерно-нейтрального языка утверждают, что языковая ясность и равенство будут обеспечены, если слова *man* и *men* будут употребляться только по отношению к мужчинам, а *human(s)* и *people* по отношению ко всем людям. Точно так же слово *mankind* можно заменить на *humankind* или *humanity*.

В целом, лексемам с аффиксом/компонентом *man* можно легко найти нейтральную альтернативу в английском языке, даже в тех контекстах, в которых употребление гендерно-специфического существительного кажется обязательным и традиционным.

Так, сценаристы популярной научно-фантастической франшизы *Star Trek*, создавая сценарий, адаптированный под современных зрителей, смогли придумать нейтральную версию знаменитой фразы «*where no man has gone before*», сохранив ее изначальный ритм. В современной адаптации эта фраза звучит «*where no one has gone before*».

Мы рассмотрели ряд сфер употребления языка, в которых встречаются лексемы, включающие в свой состав *man*, а так же варианты замены данных лексем на гендерно-нейтральные.

Так, гендерно-маркированные слова с аффиксом *man/men* можно встретить среди названий национальностей разных стран и частей государств. Добавление аффикса *man/men* – один из типичных способов образования слов в рамках данной тематики. В таблице 2.3. приведены примеры гендерной нейтрализации названий национальностей:

Таблица 2.3. Нейтрализация названий национальностей с аффиксом
man/men

Исходный вариант	Гендерно-нейтральный вариант
<i>Dutchman</i>	<i>Dutch person</i>
<i>Englishman</i>	<i>Englander, Briton</i>
<i>Frenchmen</i>	<i>The French, French people</i>
<i>Irishmen</i>	<i>Irish people</i>
<i>Norseman</i>	<i>Norse person</i>
<i>Scotsman</i>	<i>Scot</i>
<i>Welshman</i>	<i>Welsh person</i>

Примеры замены гендерно-маркированных лексем можно найти и на фразеологическом уровне языка. В английском языке существует большое количество фразеологизмов и идиом, содержащих слово *man*. В ходе реализации феминисткой реформы языка выдвигаются предложения по замене подобных выражений гендерно-инклюзивными альтернативами. Некоторые из примеров проиллюстрированы в таблице 2.4.:

Таблица 2.4. Нейтрализация гендерно-маркированных идиом и фразеологизмов с компонентом *man/men*

Исходный вариант	Гендерно-нейтральный вариант
<i>Man about town</i>	<i>Bon vivant, mover and shaker</i>
<i>Man among men</i>	<i>Outstanding person</i>
<i>Man of action</i>	<i>Go-better, human dynamo</i>
<i>Man of letters</i>	<i>Scholar, academic</i>
<i>Man in the street</i>	<i>Average person, ordinary citizen</i>
<i>Man's best friend</i>	<i>Dog</i>
<i>Man-to-man</i>	<i>Head-to-head, face-to-face</i>
<i>Marked man</i>	<i>Targeted person, fingered</i>
<i>No man's land</i>	<i>Uninhabited land, neutral zone</i>

<i>Odd man out</i>	<i>Person not included</i>
<i>Right-hand man</i>	<i>Main assistant</i>
<i>Straw man</i>	<i>Test theory</i>
<i>To a man</i>	<i>To a person (unanimously)</i>
<i>Yes-man</i>	<i>Avid follower, supporter</i>

Данная инициатива по реформированию английского языка не могла не затронуть общеупотребительную лексику, так как последняя является базой его словаря. Таблица 2.5. содержит ряд примеров гендерно-нейтральных альтернатив маркированным общеупотребительным словам:

Таблица 2.5. Нейтрализация гендерно-маркированной общеупотребительной лексики с *man/men*

Исходный вариант	Гендерно-нейтральный вариант
<i>Freshman</i>	<i>First year student, undergrads</i>
<i>Gamesmanship</i>	<i>Game playing</i>
<i>Idea man</i>	<i>Idea person, creator</i>
<i>Learned man</i>	<i>Learned person</i>
<i>Man</i>	<i>Person, individual</i>
<i>Man (verb: to man)</i>	<i>Operate, staff</i>
<i>Man of distinction</i>	<i>Person of distinction</i>
<i>Man of the year</i>	<i>Newsmaker of the year</i>
<i>Man-sized</i>	<i>Large</i>
<i>Manhandle</i>	<i>Rough up, move roughly</i>
<i>Manhole</i>	<i>Utility access hole, maintenance hole</i>
<i>Man-hours</i>	<i>Work hours</i>
<i>Manlike</i>	<i>Humanlike</i>
<i>Manmade</i>	<i>Hand made, hand built, manufactured</i>
<i>Manpower</i>	<i>Workers, workforce, staff</i>

<i>Nobleman</i>	<i>Noble person</i>
<i>Organization man</i>	<i>Team player, loyal company person</i>
<i>Outdoorsman</i>	<i>Outdoors person</i>
<i>Penmanship</i>	<i>Handwriting</i>
<i>Prehistoric man</i>	<i>Prehistoric person</i>
<i>Renaissance man</i>	<i>Renaissance person</i>
<i>Snowman</i>	<i>Snow person</i>
<i>Sportsmanlike</i>	<i>Sporting, sporty</i>
<i>Tribesman</i>	<i>Tribe member</i>
<i>Workmanlike</i>	<i>Skillful, efficient</i>
<i>Workmen's compensation</i>	<i>Worker's compensation</i>
<i>Young man</i>	<i>Youth, teenager</i>

Согласно исследованиям К. Свифт, частота употребления слова *man* в общеродовом значении, равно как и лексем с аффиксом/компонентом *man*, снижается, в особенности среди женской части общества и писателей (Swift, 2011). Из чего мы можем заключить, что данная инициатива по реформированию языка получает все больший отклик со стороны общественности, и, соответственно, постепенно закрепляется в языке.

2.1.4. Нейтрализация гендерно-маркированной общеупотребительной лексики

Основу словарного состава любого языка составляет общеупотребительная лексика. Это та лексика, без которой немислимо общение ни в одной сфере человеческой жизни; это слова, которые знает каждый носитель языка. Само собой разумеется, феминистское языковое планирование не могло не затронуть общеупотребительную лексику.

В английском языке многие лексемы, находящиеся в общем употреблении, содержат указание на пол человека. К ним относятся слова и словосочетания, в состав которых входят такие аффиксы и компоненты, как *mother, father, brother, sister, maid, maiden, girl, boy, master* и прочие, а также антропонимические лексемы (т.е. имена собственные) (Зыкова, 2003).

Активистки феминистского движения в своем стремлении к равенству и созданию гендерно-нейтрального языка совершают попытки нейтрализовать гендерно-маркированные лексемы путем замены их гендерно-инклюзивными эквивалентами. В таблице 2.6. приведены некоторые из примеров подобной замены:

Таблица 2.6. Нейтрализация гендерно-маркированной
общеупотребительной лексики

Исходный вариант	Гендерно-нейтральный вариант
<i>Bridesmaid</i>	<i>Bride's attendant</i>
<i>Brotherhood</i>	<i>Fellowship, camaraderie</i>
<i>Brotherly</i>	<i>Kind, helpful</i>
<i>Fatherhood</i>	<i>Parenthood</i>
<i>Fatherland</i>	<i>Homeland</i>
<i>Favourite son</i>	<i>Favourite candidate</i>
<i>Forefathers</i>	<i>Ancestors, forebears</i>
<i>King-size</i>	<i>Huge, very large</i>
<i>Maid</i>	<i>House cleaner</i>
<i>Maiden</i>	<i>First, untried</i>
<i>Maiden name</i>	<i>Family name, birth name</i>
<i>Master</i>	<i>Expert</i>
<i>Master key</i>	<i>Passkey</i>
<i>Master plan</i>	<i>Main plan, primary plan</i>
<i>Masterful</i>	<i>Skillful, expert</i>
<i>Masterpiece</i>	<i>Great work of art</i>

<i>Master's degree</i>	<i>Graduate degree</i>
<i>Mother country</i>	<i>Homeland</i>
<i>Mother lode</i>	<i>Mother vein</i>
<i>Mother Nature</i>	<i>Nature</i>
<i>Mother tongue</i>	<i>First language, native language</i>
<i>Motherhood</i>	<i>Parenthood</i>
<i>Playboy, playgirl</i>	<i>Pleasure seeker, partier, carouser</i>
<i>Sister ship</i>	<i>Partner ship</i>

В рамках нейтрализации общеупотребительной лексики были предложены альтернативы гендерно-маркированным фразеологизмам и идиомам. Некоторые из подобных альтернатив проиллюстрированы в таблице 2.7.:

Таблица 2.7. Нейтрализация гендерно-маркированной общеупотребительных фразеологизмов и идиом

Исходный вариант	Гендерно-нейтральный вариант
<i>Fall guy</i>	<i>Scapegoat</i>
<i>Founding father</i>	<i>Founder</i>
<i>Gentlemen's agreement</i>	<i>Unwritten agreement</i>
<i>Girl Friday</i>	<i>Aide, assistant</i>
<i>Grandfather clause</i>	<i>Pre-existing condition</i>
<i>Jack of all trades</i>	<i>Handyperson</i>
<i>John Q. Public</i>	<i>The public</i>
<i>Johnny-come-lately</i>	<i>Newcomer</i>
<i>Johnny-on-the-spot</i>	<i>Prompt person, right-on-time</i>
<i>Old wives' tale</i>	<i>Superstition</i>
<i>Uncle Sam</i>	<i>U.S., United States</i>
<i>Weak sister</i>	<i>Weak, cowardly</i>

Следует признать, что исследования успешности адаптации предложенных гендерно-нейтральных альтернатив еще не были проведены. Однако, исходя из оценки эффективности проведения прочих инициатив, можно предположить, что результаты окажутся смешанными: какие-то из эквивалентов приживутся в обществе, вытеснив тем самым свой гендерно-маркированный вариант, а какие-то не будут успешно приняты к использованию. Во многом все зависит от дальнейшего развития феминистского движения и социокультурной и политической позиции по отношению к проводимым феминистками языковым реформам.

2.1.5. Феминистские неологизмы как метод нейтрализации гендерной асимметрии в английском языке

Лингвистический детерминизм, то есть вера в то, что язык формирует наше мировоззрение, в современном мире не пользуется особой популярностью. Широко распространена критика концепции, которая состоит в том, что, например, если в языке есть три основных обозначения цвета, то все пользователи этого языка смогут различать только эти цвета. Однако стоит признать тот факт, что при наличии определенного названия для конкретного опыта настоящий опыт становится легче описать, не приходится искать ему объяснение в десятках слов (Mills, 2008).

Феминистки сочли необходимым изобретать новые слова для описания своего критического видения. Феминистские неологизмы помогли женщинам понять, что определенный опыт носит не единичный, а общий характер (Kramarae & Treichler, 1985). Подобные неологизмы также служат для описания опыта с феминистской, а не стереотипной или консервативной точки зрения.

Так, термин *date rape* позволяет женщинам описать опыт секса с незнакомым человеком по принуждению во время или после свидания как изнасилование.

С введением в употребление термина *sexual harassment* (более подробно см. пункт 1.4) феминистки смогли пожаловаться на нежелательное поведение сексуального характера со стороны своих коллег. Признав данный тип поведения как повсеместно распространенный, они потребовали систематического решения данной проблемы, а не на индивидуальном уровне.

В феминистском дискурсе термин *abortion*, как правило, заменяется на более нейтральный *termination* с целью сглаживания негативных ассоциаций, связанных с операцией. Аналогичным образом феминистки, выступающие за право женщины выбирать, сохранять или прерывать беременность, назвали себя сторонниками движения *pro-choice*, так как слово *choice* имеет положительную коннотацию. Так они акцентируют внимание на ограниченности выбора женщины в отношении деторождения. Данные термины, имплицитно и эксплицитно, отражают как феминистскую критику описания подобного опыта в прошлом, так и более прогрессивный феминистский способ анализа данного опыта.

Несмотря на то, что некоторые феминистские неологизмы были успешно приняты языковым сообществом в целом или группами женщин в частности, есть и слова, которые не завоевали популярности. Отчасти это связано с тем, что выбранные слова сами по себе кажутся маркированными.

Например, слово *seminal* используется для обозначения чего-то, что имеет большое научное значение (*seminal work/discovery/book* и т.д.). Представители феминистской лингвистики, учитывая его происхождение (от латинского *semen* «семя»), предположили, что оно подразумевает большой вклад в репродукцию со стороны мужчины, нежели женщины, и что научные достижения маркированы как мужские. Ввиду таких предположений некоторые феминистки (кто-то с иронией, а кто-то нет) предложили термины *ovular*, *germinal* и *generative* в качестве альтернатив (Eckert & McConnell-Ginet, 2013). Эти слова имеют явный феминистский характер и представляют собой выражение критики к *seminal*. По этой причине большинство их резко

осуждает, так как не разделяет подобные взгляды. П. Эккерт и С. Макконел-Джине пишут: «некоторые феминистки хотят использовать *seminal* для обозначения работы женщин, внесших эпохальный вклад в какую-либо научную сферу. Это только подчеркнет важность данных достижений, в то время как альтернативные варианты привычного хвалебного *seminal* могут затруднить понимание значения словосочетания» (Eckert & McConnell-Ginet, 2013: 217).

Помимо введения подобных описанным выше переименований и неологизмов феминистское движение поспособствовало появлению в языке терминов, которые описывают различные виды дискриминации: *lookism*, *sizeism*, *fattism*, *agism*, *weightism* и пр.

Не стоит упускать из внимания и вклад феминизма в развитие движения политкорректности. Многие феминистки полагают, что сексуальная объективация – это ключевой элемент, если даже не причина, неравенства между мужчинами и женщинами (Saul, 2017). В частности обеспокоенностью данной проблемой и желанием препятствовать стандартизации всех женщин вызвано появление таких эвфемизмов, как *aesthetically challenged*, *visually challenged*, *vertically challenged*, *horizontally challenged*, *mentally challenged* и др.

Таким образом, феминистское движение вносит большой вклад в реформирование языка в целом. Изобретение феминистками новых слов и переименование понятий в конкретных случаях имеют существенное значение. Некоторые из неологизмов выходят за рамки феминистского дискурса и становятся общеупотребительными, в то время как радикальные предложения не находят отклика среди широкой общественности.

Herstory

Отдельного внимания заслуживает такой феминистский неологизм, как *herstory*. Это слово, образованное путем намеренного лингвистического нарушения. Впервые неологизм был упомянут в книге Мэри Дейли *Gyn/ecology* (1981). Это ироничное переписывание слова *history* было призвано

продемонстрировать тот факт, что женщины по большей части исключены из анналов истории (Mills, 2008).

Зачастую его критикуют те, кто полагает, что оно было образовано иным путем. Они предполагают, что на семантическом основании была проведена морфологическая граница в слове *history*, разделяющая его на *his* + *story*. Однако этимология слова *history* никак не связана с притяжательным местоимением *his*. *History* происходит от древнегреческого слова *ἱστορία* (*historia*), которое означало «знание, получаемое путем исследования».

Нельзя отрицать, что слово *history* послужило еще одним поводом для критики традиционной исторической науки, которая, следуя феминистской логике, написана как *his story*, т.е. с мужской точки зрения. Но *herstory* всегда употреблялось как каламбур, подчеркивающий женский вклад в развитие общества, а не как альтернативная форма *history*. И тем, кто критикует его за некорректность образования, просто не хватает чувства юмора и дальновидности.

Американский словарь английского языка Merriam-Webster дает неологизму следующее определение:

Herstory – история, пересмотренная и представленная с феминистской точки зрения или уделяющая особое внимание опыту женщин (Merriam-WebsterDictionary: <http://>).

В рамках феминизма существует отдельное движение *The herstory movement*. Оно распространено главным образом среди феминоцентричной прессы. Ярким примером является основанное в Лондоне в 1973 году издательство *Virago*, которое публикует художественные и научные произведения таких знаменитых авторов-женщин, как Дженет Фрейн и Сара Дюнан.

В 2017 году была запущена кампания *The HerStory Campaign*, охватившая 26 стран и оказывающая девушкам и женщинам всевозможную поддержку:

психологические тренинги, предоставление учебной литературы, курсы по ликвидации безграмотности и пр.

В настоящий момент слово используется в качестве лозунга к плакатам на митингах и демонстрациях в защиту женщин (*History is herstory too; Make/making herstory*), его можно встретить в названиях книг («*Herstory: Women Who Changed the World*», Deborah O'Leary; «*Daughters of Eve: A Herstory Book*», Jean Kelchner), сайтов (*www.herstorywriters.org*) и различных движений и кампаний.

Оно так же встречается в публицистических текстах:

«*The queens of the House of Light are challenged by their rivals of House of Di'abolique – and the rest is herstory*» (Brodeur, 2018).

В целом, данный неологизм можно отнести к проявлению радикального феминизма, однако, нельзя отрицать, что слово начинает постепенно входить в употребление.

Womyn – графический неологизм

Слово *womyn* – один из нескольких вариантов написания английского *women*, которым пользуются некоторые феминистки. Существуют и другие варианты написания, включая *womban* или *womon* (единственное число), *womxn* или *wimmin* (множественное число). Те, кто используют подобные альтернативные варианты написания, подразумевают избегание аффиксов *-man* или *-men*, пытаются тем самым выразить женскую независимость от патриархальных лингвистических норм.

Некоторые считают, что изменение написания несообразно, поскольку видоизмененные версии слова официально не входят в словарный состав английского языка. Однако феминистки, употребляющие данные лексемы, утверждают, что в словари постоянно добавляются новые слова. В частности, словом 2013 года по версии Оксфордского словаря стало *selfie* – и это лишь один пример того, как в языке постоянно закрепляются новые слова (Wu, 2016).

Организация *Womyn Creating Consciousness Collectively*, созданная на базе университета штата Мичиган, заявляет, что благодаря использованию данного

слова она символически показывает, что организации не нужны мужчины для того, чтобы она стала полноценной структурой.

На сайте организации написано:

«We, as womyn, are not a sub-category of men. <...> We are womyn and only we have the right to define our relationships with ourselves, society, with other womyn and men» (MSU: <http://>).

Безусловно, образование таких вариантов, как *womyn*, *wimmin*, *womxn* и других слов символизирует прогресс феминистской мысли, так как они были созданы главным образом с целью критики языка. Однако многие феминистки (чаще всего сторонницы радикального феминизма) воспринимают их с полной серьезностью и пользуются ими, поэтому вполне возможно, что когда-то один из вариантов официально войдет в словарь английского языка, если слова останутся в употреблении.

2.2. Грамматические средства актуализации

2.2.1. Проблема выбора местоимений для обозначения третьего лица

Местоимение – это самостоятельная часть речи, которая употребляется вместо имени существительного, прилагательного, наречия, числительного или их характеристики и указывает на них, их отношение к предметам, явлениям и т.д. В английском языке для обозначения третьего лица единственного числа служат такие местоимения, как *he* (и его производные *him*, *his*, *himself*) и *she* (и его производные *her*, *hers*, *herself*) для обозначения мужского и женского рода соответственно, и *it* (и его производные *its*, *itself*) для обозначения неодушевленных предметов и животных.

Долгое время ведется полемика о том, что *he* и *she* – гендерно-специфические местоимения, и в целях достижения одинаковой языковой репрезентации обоих полов (а так же гендеров) необходимо найти им гендерно-

нейтральную замену. Однако для того, чтобы признать эту необходимость, нужно проанализировать и доказать актуальность рассматриваемой языковой проблемы.

В английском языке, если неизвестен пол человека, в предложении традиционно используется местоимение мужского рода *he* и его производные, например:

When a student comes into the room, he should pick up a handout.

В данном случае существительное *student* – общеродовой антецедент, т.е. оно не уточняет пол субъекта, следовательно, носит гендерно-нейтральный характер, но при этом во второй части предложения используется гендерно-маркированное местоимение *he*.

Подобное явление привлекло внимание феминисток и заставило их задуматься о том, что благодаря ему женщины становятся невидимыми на уровне грамматики. Общепринятое использование маскулинных местоимений применительно к личности, чей пол/гендер не был указан, является, с феминистской точки зрения, проявлением сексизма в языке.

Рассмотрим более подробно данное лингвистическое явление.

Изначально использование местоимения мужского рода *he* и его производных в случаях, когда пол/гендер субъекта неизвестен или не указан, предполагало гендерно-нейтральный характер, и было закреплено в языке как норма. Это относится к предложению, представленному выше, и к следующим примерам:

When a customer argues, always agree with him.

In supermarket, a customer can buy anything he needs.

The customer brought his purchases to the cashier for checkout.

Но, несмотря на то, что в английском языке употребление данных местоимений традиционно считается грамматически правильным, в некоторых контекстах его можно назвать абсурдным:

«**Everyone** will be able to decide for **himself** whether or not to have an abortion». Albert Bleumenthal (Merriam-Webster, 2002).

«The ideal that **every boy and girl** should be so equipped that **he** shall not be handicapped in **his** struggle for social progress». C.C. Fries (Merriam-Webster, 2002).

«She and Louis had a game – **who** could find the ugliest photograph of **himself**». Joseph P. Lash (Merriam-Webster, 2002).

«**The average American** needs the small routines of getting ready for work. As **he** shaves or blow-dries **his** hair or pulls on **his** panty-hose, **he** is easing **himself** by small stages into the demands of the day». C. Adendyck (Swift, 2011).

В определенных случаях использование гендерно-специфических местоимений *he* и *she* способствует стереотипизации гендерных ролей:

*A secretary should keep **her** temper in check.*

*A police officer should maintain **his** fitness.*

*A nurse must always be kind to **her** patients.*

*A dancer should watch **her** diet carefully.*

*A boss should treat **his** staff well.*

Если руководствоваться приведенными примерами, можно подумать, что все медсестры – женщины, все полицейские – мужчины и т.д.

Итак, вышеописанные примеры доказывают, что употребление гендерно-маркированных местоимений является не только проявлением дискриминации и гендерных стереотипов в языке, но и в определенных случаях неуместно и нелепо. Ввиду этого можно считать справедливым стремление феминисток к внесению изменений в данный аспект языка.

Мы изучили несколько инициатив, направленных на устранение гендерной асимметрии на грамматическом уровне языка.

1) Одна из предложенных альтернатив – употребление двух местоимений:

*A boss should treat **her or his** staff well.*

When **the winner** has been selected, **s(he)** will be advanced to the next round of the competition. (Только в письменных текстах)

Our agreement is that **the first person** who picks up **his or her** cell phone must treat the rest of the group to dinner.

Благодаря такому употреблению мужчины и женщины лингвистически представлены одинаково. Однако в некоторых случаях оно несообразно с точки зрения стиля, в особенности, когда конструкция *she or he* повторяется много раз в пределах предложения или абзаца. Кроме того, оно не учитывает языковую репрезентацию людей, не являющихся представителями бинарной гендерной системы.

2) Замена единственного числа предшествующего существительного (антецедента) и самого местоимения множественным – следующая альтернатива использованию гендерно-специфических местоимений:

Police officers should maintain **their** fitness.

When **students** come into the room, **they** should pick up a handout.

Students who lose too much sleep may have trouble focusing during **their** exams.

Употребление форм множественного числа, которые сами по себе не являются гендерно-маркированными, – это идеальный способ замены: отсутствует громоздкость (как в случае с использованием *she or he*), устраняется гендерная специфичность, и не теряется смысл фразы. Единственное, что всегда стоит при этом учитывать, – уместность подобной замены.

3) Третья альтернатива – использование местоимения множественного числа *they* и его производных (*them, their, theirs, themselves/themself*) в значении местоимения единственного числа:

Somebody left **their** sweater behind.

But a journalist should not be forced to reveal **their** sources.

I say to **each person** in this room: may **they** enjoy **themselves** tonight!

*The patient should be told at the outset how much **they** will be required to pay.*

Необходимо отметить, что употребление *they* с предшествующим существительным в единственном числе имеет долгую историю, которая берет свое начало в 14 веке, во времена среднеанглийского языка (Huddleston & Pullum, 2002).

Сингулярное *they* можно встретить во многих произведениях известных авторов разных времен:

«*Eche on in þer craft ys wijs*» («*Each one in their craft is wise*») Виклифитская Библия, 1382 г. (Quod.lib.umich: <http://>).

«*And whoso fyndeth hym out of swich blame, **They** wol come up...*» Дж. Чосер «Пролог Продавца Индульгенций» к «Кентерберийским рассказам», около 1400 г. (Merriam-Webster, 2002).

«*If a **person** is born of a... gloomy temper ... **they** cannot help it*» Ф.Д.С. Честерфилд «Письма к сыну», 1759 г. (Fowler, 2015).

«*Had the Doctor been contented to take my dining table when I came away, as **any body** in **their** senses would have done...*» Дж. Остин «Мэнсфилд-парк», 1814 г. (Austen, 2017: 191).

«*A **person** can't help **their** birth*» У.М. Теккерей «Ярмарка тщеславия», 1848 г. (Thackeray, 2016: 78).

«*Now **nobody** does anything well that **they** cannot help doing*» J. Ruskin «The Crown of Wild Olive», 1866 г. (Ruskin, 2015).

Говоря об использовании сингулярного *they*, стоит обратить отдельное внимание на одну из форм его производных – возвратное местоимение *themselves*. Данная форма считалась нормой в период с 14-го по 16-ый вв. В конце прошлого столетия она снова начала набирать популярность, хотя иногда по-прежнему классифицируется как «редко употребляемая» или «диалектическая» форма (Huddleston & Pullum, 2002). Как правило, местоимение *themselves* употребляется, когда речь идет об одном человеке, чей пол/гендер не

определен, а использование формы множественного числа *themselves* может показаться несообразным, например:

«*It is not an actor pretending to be Reagan or Thatcher, it is, in grotesque form, the person **themselves***» Я. Хислоп, 1984 г. (Fowler, 2015).

Примеры употребления формы *themselves* можно найти и на законодательном уровне. Так, несмотря на то, что правительство Канады рекомендует к использованию в текстах федеральных законов форму *themselves* в качестве возвратного местоимения единственного числа, можно так же встретить и *themselves*:

«*Where a **recipient** of an allowance under section 4 absents **themselves** from Canada...*» War Veterans Allowance Act, section 14, 2015 (Laws.justice.gc: <http://>).

«*...the following conditions are imposed on a **person** or group of persons in respect of whom a deposit is required: ... to present **themselves** or themselves at the time and place that an officer...*» Immigration and Refugee Protection Regulations, section 48, 2018 (Laws.justice.gc: <http://>).

Со времен Средневековья сингулярное *they* (и его производные) находилось в широком употреблении на протяжении многих столетий, несмотря на то, что, начиная с конца 18-го века, традиционные грамматисты его запрещали (Fowler, 2015).

В настоящее время некоторые прескриптивисты обсуждают не только допустимость использования сингулярного *they* в определенных контекстах, но и возможность сделать его обязательным к употреблению. Другие прескриптивисты продолжают твердо настаивать на использовании местоимения *he*.

Вне зависимости от того, что думают грамматисты, практика показывает, что в неформальном английском языке употребление сингулярного *they* носит практически универсальный характер.

В результате исследования Юргена Гернера, проведенного на основе Британского национального корпуса и опубликованного в 1998 году, было

установлено, что британцы, независимо от социального статуса, возраста, пола или места жительства, намного чаще употребляли сингулярное *they*, чем *he* с подразумеваемым гендерно-нейтральным значением или любой другой вариант (Jürgen, 2000).

Проведенный в Австралии в 1990-х годах анализ корпуса звучащей речи показал, что сингулярное *they* стало самым часто употребляемым в общеродовом значении местоимением (Pauwels, 2009).

В 2016 году журнал *American Speech* опубликовал исследование Даррена К. Ласкотта. В нем он рассматривал, какие местоимения используют носители языка, когда пишут о человеке, чей пол не указан или неизвестен. Согласно результатам исследования, большинство участников (79%) прибегают в таких случаях к гендерно-нейтральным формам. Из них 68% используют сингулярное *they*, в то время как 11% употребляют конструкцию *he or she*. Тем не менее, участники отмечают, что последний вариант исключает людей, не являющихся представителями бинарной гендерной системы (LaScotte, 2016).

4) В качестве одной из альтернатив использованию гендерно-специфических местоимений так же можно выделить употребление неопределенного местоимения *one*:

One takes care of one's own.

По своей сути оно является гендерно-нейтральным и имеет форму единственного числа, но мы предполагаем, что непрактичность его использования обусловлена тем, что антецедентом в предложении подобного типа может быть только *one*.

5) Особого внимания заслуживает следующая альтернатива (возможно, самая радикальная) – употребление нестандартных местоимений.

Предложения по использованию нестандартных местоимений датируются как минимум 19-м веком (*nim, talis, iro, ver* и др.). Мы рассмотрели некоторые из самых популярных вариантов.

Согласно Д. Барону, неологизм *thon*, получивший самое широкое распространение, был предложен адвокатом и композитором Чарльзом Крозатом Конверсом в 1884 году (по некоторым данным 1858 г.). *Thon* – это сокращенная форма *that one*.

That person is a millionaire thonself.

Местоимение третьего лица, не имеющее грамматического рода, *thon* было включено в словарь *Funk and Wagnall's Standard Dictionary* в 1898 году; в 1934 году в *Webster's Second New International Dictionary* появилась словарная статья *Thon*. Несмотря на то, что в настоящее время данное местоимение отсутствует в обоих словарях, все еще есть сторонники его использования (Baron, 2013).

Местоимение *Co* изобрела феминистская писательница Мэри Орован в 1970 году. *Co* широко используется среди членов идейных коммун Федерации эгалитарных общин, его так же можно встретить в уставах некоторых из данных общин:

When an adult first joins the community, co becomes a provisional member (SkyHouseCommunity: <http://>).

В рамках настоящей альтернативы мы не можем не упомянуть местоимения Спивэка. В 1983 году математик Майкл Спивэк написал руководство по использованию AMS-TeX (пакета программного обеспечения) *The Joy of TeX*, в котором он употреблял местоимения *E*, *Em*, *Eir* (субъектный, объектный и притяжательный падеж соответственно) (Nunn, 2015).

Они получили распространение благодаря онлайн-сообществу *LambdaMOO*. В данном виртуальном сообществе человек сам выбирает местоимения, с помощью которых другие пользователи могут к нему обращаться. Местоимения Спивэка – одна из опций; к другим относятся: маскулинные, фемининные, местоимения множественного числа и др. При этом во всех справочных текстах стандартно используются местоимения Спивэка в случаях, когда пол/гендер пользователя неизвестен, или с целью сохранения

секретности, если пол/гендер известен, и, само собой разумеется, если пользователь выбрал набор местоимений Спивэка для общения с ним:

***The user** may choose any description **e** likes (SourceForge: <http://>).*

*Who was that **guest** yesterday, **eir** typing was terrible (SourceForge: <http://>).*

*Yes I've met **Squiggle**. **E** was nice (SourceForge: <http://>).*

Данные местоимения употребляют те, кто не считает приемлемым использование стандартных вариантов замены: *he or she* или сингулярное *they*. В настоящий момент местоимения Спивэка используются в игровых сообществах и среди гендерквиров. Недавно сайт Гарварда добавил *E* как один из вариантов форм обращения к студентам, которые регистрируются на сайте.

Проанализировав предложенные альтернативы, мы заключили, что не все из них являются эффективными и получили широкое распространение среди общественности. К стандартным вариантам замены гендерно-специфических местоимений относятся *he or she*, *(s)he*, сингулярное *they* и замена единственного числа как местоимения, так и общеродового antecedenta множественным. Однако общественное признание завоевало сингулярное *they*. Помимо того, что его употребление имеет долгую историю, его можно описать как универсальное: не характеризуется громоздкостью (как *he or she*) и может применяться во всех без исключения случаях.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1) Мы проанализировали лексические средства актуализации феминизма в английском языке в таких областях, как: профессиональная номенклатура, общеупотребительная лексика, гендерно-маркированная лексика с *man/men*, формы обращения и неологизмы, и пришли к выводу, что самым распространенным методом актуализации является стратегия нейтрализации, так как она полностью исключает гендерную спецификацию лексем и тем самым способствует устранению гендерной асимметрии в языке. К лексическим средствам актуализации можно отнести следующие:

- замена гендерно-маркированных лексем гендерно-нейтральными;
- введение неологизмов;
- переименование понятий;
- создание феминитивов.

Изучив успешность принятия обществом инициатив в рамках реформации языка на лексическом уровне, мы заключили, что в большинстве случаев результат смешанный, однако, наблюдается явная положительная тенденция к использованию гендерно-нейтральных лексем. Это, в свою очередь, дает предпосылки к созданию гендерно-инклюзивного языка с нейтральным словарным составом.

2) С целью достижения одинаковой языковой репрезентации полов и гендеров на грамматическом уровне была предложена языковая реформа, призванная заменить гендерно-специфические местоимения *he* и *she*, употребляемые с общеродовым антецедентом. К средствам актуализации феминизма на грамматическом уровне в рамках данной реформы относятся:

- использование двух местоимений: *he or she, s(he)*;
- замена единственного числа антецедента и местоимения множественным;
- употребление сингулярного *they*;

- использование неопределенного местоимения *one*;
- употребление нестандартных (неологичных) местоимений.

Проанализировав результаты исследований по успешности адаптации предложенных альтернатив, мы пришли к заключению, что данная реформа нашла большой отклик со стороны пользователей языка. В частности, конкретная инициатива по употреблению сингулярного *they* широко распространилась среди общественности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вне всяких сомнений феминизм был и остается одним из главных социальных движений современности. Его влияние ощутимо во многих обществах по всему миру, равно как и во многих сферах жизни. Феминистское движение стремится, среди прочего, к устранению дискриминации по признаку пола и к более широкому признанию вклада женщин в развитие общества, а также имеет целью изменить культурные и социальные порядки, укрепляющие патриархатные системы ценностей. Язык рассматривается многими феминистками как мощный инструмент патриархата. Например, феминистка Дейл Спендер утверждает, что английский язык – это язык, «созданный мужчинами» и способствующий угнетению женщин. Ввиду данного убеждения неудивительно, что дискурсивная и языковая практики подвергаются критическим исследованиям со стороны активисток феминистского движения.

Феминистская философия языка прошла долгий путь за очень короткий период времени, подвергаясь на первых этапах жесткой критике. Однако в последнее время ситуация изменилась в связи с появлением крупномасштабных исследовательских проектов в данной сфере. Появляются разнообразные инициативы и цели в рамках проведения феминистской языковой реформы. Распространение в общественной сфере либеральных феминистских подходов, нацеленных на достижение полового/гендерного равенства, привело к тому, что лингвистическое равенство полов/гендеров стало синонимом феминистского планирования языка.

В условиях современного общественного развития, когда наряду с понятием «пол» появилось новое понятие «гендер», а идентичность многих людей выходит за рамки бинарной гендерной системы, усилия феминисток направлены не только на достижение одинаковой социокультурной и языковой репрезентации полов и гендеров, но и, как следствие, на создание гендерно-нейтрального языка.

Преуспев в поиске доказательств наличия сексизма в языке и разоблачив тем самым его андроцентрический характер, феминистки начали предлагать различные инициативы по нейтрализации гендерной асимметрии в языке. Главным образом они затрагивают изменения на лексическом уровне языка. Это объясняется тем, что в словарном составе английского языка насчитывается немало гендерно-маркированных лексем. Так, самой масштабной и эффективной инициативой стало усилие по устранению гендерной дискриминации в профессиональной терминологии. С целью достижения лингвистического равенства в данной сфере использования языка были предложены следующие стратегии: гендерная спецификация (феминизация) и гендерная нейтрализация.

Но, несмотря на наличие двух стратегий, преследующих общую цель, наибольшей популярностью пользуется последняя, так как она ведет к созданию гендерно-нейтрального языкового пространства, в то время как лексемы, образованные путем применения стратегии спецификации, содержат указание на биологический пол человека. Для передачи названий большинства профессий и других гендерно-специфических лексем существуют гендерно-нейтральные эквиваленты, однако, нельзя отрицать, что в редких случаях невозможно подобрать гендерно-инклюзивный аналог. Необходимо отметить, что стратегии нейтрализации отдается большее предпочтение, что доказывают прочие инициативы по реформированию языка.

Популярность набирают и предложенные к употреблению новые гендерно-нейтральные формы обращения, такие как *Misc*, *Mx*, что связано с тем, что они полностью лишены гендерной маркированности.

Введенные феминистками неологизмы и переименования имеют неоднозначный отклик со стороны общественности, так как некоторые из них, например, *herstory* и *womyn* относятся к проявлению радикального феминизма, сторонниками которого являются далеко не все активисты феминистского движения в целом. Отдельные неологизмы призваны восполнить лакуны в

языке, имеющие существенное значение для женской половины его пользователей.

В ходе осуществления феминистской языковой реформы были предложены инициативы по нейтрализации гендерно-маркированной общеупотребительной лексики вообще и лексем с аффиксом/компонентом *man* в частности. При успешном принятии социумом данных инициатив станет легче осуществлять реформирование в других сферах использования языка, так как общеупотребительная лексика является ядром словарного состава любого языка. На данном этапе проведения языкового планирования наблюдается тенденция к использованию гендерно-нейтральных эквивалентов словам общего употребления.

В результате исследования языка с целью разоблачения его андрцентрического характера было выявлено проявление сексизма на грамматическом уровне в случаях, когда после общеродового антецедента употреблялось гендерно-специфическое местоимение *he*. С целью нейтрализации предложений подобного рода было предложено несколько вариантов замены маркированного местоимения, среди которых самым популярным и широко распространенным оказался вариант использования сингулярного *they*. Это обосновано не только тем, что история употребления местоимения множественного числа *they* в качестве единственного уходит далеко в прошлое, но и тем, что оно универсально в своем использовании. Ввиду феминистского исследования о гендерно-нейтральном употреблении местоимения *he* даже прескриптивные грамматисты стали лояльнее относиться к использованию сингулярного *they*.

Таким образом, феминистское языковое планирование охватывает преимущественно лексический уровень языка, что обусловлено проявлением сексизма именно в словарном составе английского языка.

Предпринятые феминистками усилия в рамках реализации лингвистической реформы встречают смешанный отклик среди широкой

общественности, однако, проводимые исследования показывают, что гендерно-маркированная лексика все чаще заменяется гендерно-нейтральной. Из этого можно сделать вывод, что предложенные изменения приживаются в социуме постепенно. Изменение языкового поведения – это медленный и сложный процесс, так как вначале необходимо добиться изменения образа мышления индивида, искоренить сексизм и патриархальные ценности на уровне сознания. Лишь на основе достижения социокультурного равенства может быть достигнуто равенство лингвистическое. Поэтому при наличии политической и социальной поддержки со временем, возможно, феминистки добьются своей цели и создадут гендерно-нейтральный язык и несексистское общество.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бовуар, С. Второй пол / С. Бовуар. – М.: Прогресс, 1997. – 832 с.
2. Горошко, Е.И. Гендерная проблематика в языкознании / Е. И. Горошко // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие: в 2-х ч. / под ред. И. Жеребкиной. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 508-542.
3. Захватаев, В.Н. Кодекс Наполеона / В.Н. Захватаев. – М.: Инфотропик, 2012. – 800 с.
4. Зыкова, И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии / И.В. Зыкова. – М.: УРСС, 2003. – 232 с.
5. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
6. Таннен, Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга / Д. Таннен. – М.: АСТ, 1996. – 432 с.
7. Уэст, К. Создание гендера / К. Уэст, Д. Зиммерман // Хрестоматия феминистских текстов / под ред. А. Темкиной, Е. Здравомысловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 193-219.
8. Фридан, Б. Загадка женственности / Б. Фридан. – СПб.: Литера, 1993. – 496 с.
9. Хёйзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хёйзинга. – СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2016. – 768 с.
10. Хукс, Б. Феминистская теория: от края к центру / Б. Хукс // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. – Минск, 2000. – С. 236-253.
11. Austen, J. Mansfield Park / J. Austen. – М.: Т8, 2017. – 396 с.
12. Baron, D. Grammar and Gender / D. Baron. – 4-е изд., стереотип. – New Haven: Yale University Press, 2013. – 260 с.
13. Buffery, A. Sex differences in the development of spatial and linguistic skills / A. Buffery, J. Gray // Gender differences, their ontogeny and significance /

под ред. С. Ounsted, D. С. Taylor. – 3-е изд., стереотип. – Edinburgh: Churchill Livingstone, 2007. – С. 123-158.

14. Cameron, D. *Feminism and linguistic theory* / D. Cameron. – 3-е изд., перераб. и доп. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – 257 с.

15. Cardwell, M. *The complete companions: AS Revision for AQA a psychology (complete companion psychology)* / M. Carwell, C. Flanagan. – Oxford: OUP, 2014. – 382 с.

16. Chodorow, N. *Feminism and psychoanalytic theory* / N. Chodorow. – 2-е изд., стереотип. – New Haven: Yale University Press, 2012. – 286 с.

17. Coates, J. *Language and gender: a reader* / J. Coates. – 2-е изд., перераб. и доп. – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2011. – 634 с.

18. Coates, J. *Women in their speech communities: new perspectives on language and sex* / J. Coates, D. Cameron. – London: Longman, 1988. – 200 с.

19. Coates, J. *Women, men and language: a sociolinguistic account of gender differences in language* / J. Coates. – 3-е изд., стереотип. – Abington: Routledge Linguistics Classics, 2015. – 262 с.

20. Deuchar, M. *A pragmatic account of women's use of standard speech* / M. Deuchar // *Women in their speech communities: new perspectives on language and sex* / под ред. J. Coates, D. Cameron. – London: Longman, 1988. – С. 76-89.

21. Eckert, P. *Language and gender* / P. Eckert, S. McConnell-Ginet. – 2-е изд., стереотип. – New York: Cambridge University Press, 2013. – 331 с.

22. Eckert, P. *Think practically and look locally: language and gender as community-based practice* / P. Eckert, S. McConnell-Ginet // *Annual review of anthropology*. – Palo Alto: Annual Reviews, 1992. – Т. 21. – С. 461-490.

23. Elgin, S. H. *A first dictionary and grammar of Láadan* / S. H. Elgin. – 2-е изд., перераб. и доп. – Madison: Society for the Furtherance and Study of Fantasy and Science Fiction, 1988. – 158 с.

24. Farley, L. *The sexual shakedown: the sexual harassment of women on the job* / L. Farley. – 2-е изд., стереотип. – New York: McGraw-Hill, 2016. – 228 с.

25. Fowler, H. W. Fowler's dictionary of modern English usage / H.W. Fowler, J. Butterfield, R. Burchfield. – 4-е изд., перераб. и доп. – Oxford: OUP, 2015. – 928 с.
26. Freedman, E. No turning back: the history of feminism and the future of women / E. Freedman. – New York: Ballantine Books, 2003. – 464 с.
27. Freeman R. D. Language and gender / R. D. Freeman, B. McElhinny // Sociolinguistics and language teaching / под ред. S. McKay, N. Hornberger. – Cambridge: CUP, 1996. – С. 218-280.
28. Fricker, M. Epistemic injustice: power and the ethics of knowing / M. Fricker. – Oxford: OUP, 2009. – 208 с.
29. Giddens, A. Sociology / A. Giddens, S. Griffiths. – Cambridge: Polity Press, 2006. – 1094 с.
30. Gilligan, C. In a different voice: psychological theory and women's development / C. Gilligan. – New York: HUP, 2016. – 216 с.
31. Goodwin, M. Cooperation and competition across girls / M. Goodwin // Language and gender: a reader / под ред. J. Coates. – 2-е изд., перераб. и доп. – New Jersey: Wiley-Blackwell, 2011. – С. 121-146.
32. Henley, N. Miscommunication, gender and power / N. Henley, Ch. Kramarae // Miscommunication and problematic talk / под ред. N. Coupland, J. M. Wiemann. – 2-е изд., стереотип. – Los Angeles: SAGE Publications, 2010. – 384 с.
33. Holmes, J. Women's language: a functional approach // Language & communication: науч. журн. – Oxford: Pergamon Press, 1990. – Т.10. – Вып. 3. – С. 185-205.
34. Huddleston, R. The Cambridge grammar of the English language / R. Huddleston, G. Pullum. – New York: CUP, 2002. – 1860 с.
35. Huston, J. M. Disorders of sex development: an integrated approach to management / J. M. Huston, G. L. Warne, S. R. Grover. – New York: Springer, 2016. – 311 с.

36. Jaggar, A. M. Feminist politics and human nature / A. M. Jaggar. – 3-е изд., стереотип. – Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2008. – 416 с.
37. Jürgen G. Singular and plural anaphors of indefinite plural pronouns in spoken British English / G. Jürgen // Corpora Galore: Analyses and techniques in describing English / под ред. J. M. Kirk. – Boston: Brill, 2000. – 356 с.
38. Kramarae Ch. A feminist dictionary / Ch. Kramarae, P. A. Treichler. – London: Pandora Press, 1985. – 587 с.
39. Lacoff R. T. Language and woman's place: text and commentaries / R. T. Lacoff; под ред. M. Bucholtz. – New York: OUP, 2014. – 324 с.
40. LaScotte, D. K. Singular they: an empirical study of generic pronoun use / D. K. LaScotte // American Speech: науч. журн. – 2016. – Т. 91. – № 1. – С. 62-80.
41. Liddicoat, A. J. Feminist language planning // Current issues in language planning: науч. журн. – Abington: Routledge, 2011. – Т.12. – Вып. 1. – С. 1-7.
42. Mercier, A. A perverse case of the contingent a priori: on the logic of emasculating language (a reply to Dawkins and Dummet) // Philosophical Topics: науч. журн. – Fayetteville: The University of Arkansas Press, 1995. – Т.23. – Вып. 2. – С. 221-259.
43. Merriam-Webster. Merriam-Webster's concise dictionary of English usage / Merriam-Webster. – Springfield: Merriam-Webster, 2002. – 800 с.
44. Mills S. Language and sexism / S. Mills. – Cambridge: CUP, 2008. – 190 с.
45. Moulton, J. The myth of a neutral "man" / J. Moulton // Feminism and philosophy / под ред. M. Vetterling-Braggin. – 2-е изд., стереотип. – Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2013. – 466 с.
46. Ochs, E. Constructing social identity: a language socialization perspective / E. Ochs // Research on language and social interaction: науч.-метод. журн. – 1993. – Т. 26. – № 3. – С. 287-306.

47. Pauwels, A. *Women changing language* / A. Pauwels. – 2-е изд., стереотип. – London: Longman, 2015.– 224 с.
48. Pauwels, A. *Linguistic sexism and feminist linguistic activism* / A. Pauwels // *The handbook of language and gender* / под ред. J. Holmes, M. Meyerhoff. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2009. – С. 550-570.
49. Penelope, J. *Speaking freely: unlearning the lies of the fathers' tongues* / J. Penelope. – 3-е изд., перераб. и доп. – New York: Teachers' College Press, 2012. – 328 с.
50. Rathus, S. A. *Childhood: Voyages in development* / S. A. Rathus. – 5-е изд., стереотип. – Boston: Cengage Learning, 2013. – 576 с.
51. Ruskin, J. *The crown of wild olive* / J. Ruskin. – USA: Palala Press, 2015. – 292 с.
52. Sapir, E. *The status of linguistics as a science* / E. Sapir // *Language: науч. журн.* – 1929. – Вып. 5. – С. 207-214.
53. Spender, D. *Man made language* / D. Spender. – 2-е изд., стереотип. – New York: HarperCollins, 1990. – 256 с.
54. Stanley, J. P. *Gender-marking in American English* / J. P. Stanley // *Sexism and language* / под ред. A. P. Nilsen. – Urbana: NCTE, 1977. – С. 44-76.
55. Swift, K. *The handbook of nonsexist writing: for writers, editors and speakers* / K. Swift. – 4-е изд., стереотип. – Bloomington: iUniverse, 2011. – 196 с.
56. Thackeray, W. *Vanity Fair* / W. Thackeray. – М.: Т8, 2016. – 460 с.
57. *The impact of gender in the IELTS oral interview: отчет о НИР* / O'Loughlin K. – Australia: IELTS Australia Pty Limited, 2000. – Т. 3. – 28 с.
58. Uchida, A. *When “difference” is “dominance”: a critique of the “anti-power based” cultural approach to sex differences* / A. Uchida // *The feminist critique of language* / под ред. D. Cameron. – 3-е изд., перераб. и доп. – Philadelphia: Routledge, 2009. – 388 с.

59. Whelehan, I. Modern feminist thought: from the second wave to post-feminism / I. Whelehan. – 2-е изд., стереотип. – New York: NYU Press, 2014. – 288 с.
60. Whorf, B. Language, thought, and reality; Selected writings of Benjamin Lee Whorf / B. Whorf. – New York: Leopold Classic Library, 2016. – 300 с.
61. Wollstonecraft, M. A vindication of the rights of woman and a vindication of the rights of men / M. Wollstonecraft. – Oxford: OUP, 2009. – 464 с.
62. Wood, W. Biosocial construction of sex differences and similarities in behavior / W. Wood, A. H. Eagly // Advances in experimental social psychology / под ред. J. M. Olson, M. P. Zanna. – London: Elsevier, 2012. – Т. 46. – С. 55-123.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

63. Brodeur, M. A. The Weekender: “Avengers” heroes, fierce queens, and They Might Be Giants [Электронный ресурс] / М. А. Brodeur // The Boston Globe. – 2018. – Режим доступа: <http://www.bostonglobe.com>. – (Дата обращения: 01.05.2018).
64. Fox, H. Betty Friedan, who ignited cause in “Feminine Mystique”, dies at 85 [Электронный ресурс] / H. Fox // The New York Times. – 2006. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com>. – (Дата обращения: 18.12.2017).
65. Goldhill, O. What’s it like to be a Mx? [Электронный ресурс] / O. Goldhill // The Telegraph. – 2015. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk>. – (Дата обращения: 21.02.2018).
66. Henry, R. Now pick Mr, Mrs, Miss, Ms ... or Mx for no specific gender [Электронный ресурс] / R. Henry // The Sunday Times. – 2015. – Режим доступа: <http://www.thetimes.co.uk>. – (Дата обращения: 10.02.2018).
67. Justice Laws Website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laws.justice.gc.ca>. – Дата обращения: (03.04.2018).
68. LambdaMOO Server [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sourceforge.net>. – Заглавие с экрана. – Дата обращения: (14.03.2018).
69. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>. – Дата обращения: (16.10.2017).
70. Middle English Dictionary Entry [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu>. – Дата обращения: (17.01.2018).
71. NB/GQ Survey 2016 – the worldwide results [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gendercensus.com>. – Заглавие с экрана. – Дата обращения: (01.04.2018).
72. Nunn, G. Is it time we agreed on a gender-neutral singular pronoun? [Электронный ресурс] / G. Nunn // The Guardian. – 2015. – Режим доступа: <http://www.guardian.com>. – (Дата обращения: 09.03.2018).

73. Olympe de Gouge, The declaration of the rights of woman (September 1791) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chnm.gmu.edu>. – Заглавие с экрана. – Дата обращения: (24.11.2017).

74. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com>. – Дата обращения: (11.04.2018).

75. Saul J. Feminist philosophy of language [Электронный ресурс] / J. Saul // Stanford Encyclopedia of philosophy. – 2017. – Режим доступа: <http://www.plato.ctanford.edu>. – (Дата обращения: 28.01.2018).

76. Skyhouse Community, Inc. A Missouri Nonprofit Corporation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skyhousecommunity.org>. – Заглавие с экрана. – Дата обращения: (10.02.2018).

77. The personal is political [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://carolhanish.org>. – Заглавие с экрана. – Дата обращения: (01.12.2017).

78. Titman, N. When was the Mx gender-inclusive title created? [Электронный ресурс] / N. Titman // The Practical Androgyny. – 2014. – Режим доступа: <http://www.practicalandrogyny>. – (Дата обращения: 28.03.2018).

79. Womyn Creating Consciousness Collectively – Alternative Spellings [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://msu.edu>. – Заглавие с экрана. – Дата обращения: (04.03.2018).

80. World Health Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int>. – Дата обращения: (27.11.2017).